

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

ЦЕНА ИМПЕРИИ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: III ВЕК
МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ

Варвары

Александр Мазин

Цена Империи

«Автор»

2003

Мазин А. В.

Цена Империи / А. В. Мазин — «Автор», 2003 — (Варвары)

ISBN 5-5-17-034675-1

Великая Римская империя. Третий век от Рождества Христова. Пройдет еще сто лет – и тысячелетний Рим падет. Станет лакомой добычей для полчищ варваров. Но сейчас Империя еще достаточно сильна... И способна защитить свои границы.

ISBN 5-5-17-034675-1

© Мазин А. В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Пролог	5
Часть первая	9
Глава первая	11
Глава вторая,	16
Глава третья,	18
Глава четвертая	22
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	32
Глава восьмая	35
Глава девятая	38
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая,	43
Глава двенадцатая	47
Глава тринадцатая,	51
Глава четырнадцатая,	54
Глава пятнадцатая,	58
Глава шестнадцатая	61
Глава семнадцатая	64
Глава восемнадцатая,	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александр Мазин

Цена империи

Пролог

*Май девятьсот восемьдесят седьмого года от
основания Рима¹. Провинция Нижняя Мезия.*

– Вот этого берите! – низкорослый коренастый римлянин показал на Ахвизру. Позолоченные поножи римлянина были украшены выпуклыми львиными головами. Трое легионеров подхватили гота и перекинули на носилки. Ахвизра с шипением выпустил воздыхание, но сдержался, не застонал.

– Эй, вы! – выкрикнул Коршунов. – Не видите, что он ранен!

– Так это ему повезло! – ухмыльнулся один из легионеров.

Остальные загоготали. Но коренастому их веселье не понравилось.

– Поаккуратнее, – недовольно буркнул он. – Скиф должен повиснуть живым, а недохлым! Взяли и понесли! Следующий – этот! – Коренастый показал на скулди.

Герул тоже был ранен (все они были ранены), но не так серьезно, как Ахвизра, – поэтому связан. Как и Коршунов. Как и все, в ком победители опознали вождей. Алексей подумал: это не так уж плохо. Их и уложили в палатке, а не бросили на голую землю, как остальных, и медицинскую помощь оказали...

При воспоминании об этой «помощи» Алексей невольно поморщился. Его ранили дважды (если не считать царапин) – в бок и в левую ногу. Обе раны римский лекарь зашил и перевязал – без всякой дезинфекции и, разумеется, без наркоза. Только чтобы остановить кровь. А когда опытный в таких делах скулди сказал медику, что надо бы раны прижечь, тот только головой мотнул:

– Не беспокойся, варвар!

– Нас казнят, – сделал вывод скулди.

Это заявление никого из пленных не удивило. Им уже успели сообщить, что взявший их в плен военачальник – настоящий отморозок. Никого не щадит. Ему не нужны ни деньги, ни наемники. Убивает всех. Ходят слухи, дал кому-то из богов обет – прикончить сто тысяч варваров.

Об этом пленным сообщил солдат из охраны, здоровенный светловолосый галл, совсем не похожий на коренного римлянина.

Коршунову не хотелось умирать. Но пощады он просить не будет. Не хватало еще опозориться перед храбрецами-готами. Алексей решил вести себя, как положено вождю. А по местным понятиям вождь обязан быть храбрее и мужественнее тех, кого он ведет в бой. Так что Коршунов держался. Даже не пикнул, когда его штопал лекарь. И всем своим видом показывал, что не боится ни боли, ни смерти.

Но умирать все равно не хотелось. И даже как-то не верилось в собственную смерть. Наверное, так всегда и бывает...

Коршунова забрали из палатки последним.

¹ 234 год от Р. Х.

– Давай, давай, пошевеливайся! – бородатый легионер в помятой кирасе с дубинкой в руке легонько подпихнул Алексея в спину. – Выходи давай!

За те часы, что Коршунов, связанный, провалялся в палатке, вокруг вырос маленький город. Римский лагерь. Ровные ряды палаток, деловитая суета. Пробегавший мимо легионер со связкой пилумов приостановился, полюбопытствовал:

– Это что, варварский рикс?

– Давай проходи! – рявкнул бородатый, замахнувшись своей дубинкой.

Любопытный тут же припустил прочь.

Охранники у южных ворот лагеря посторонились, пропуская Коршунова и его «эскорт»...

Их разместили вдоль обочины. Всех, кто остался в живых. Коршунов шагал по пыльной дороге, по крестообразным теням. Он старался не хромать и смотреть прямо перед собой. Не смотреть ни по сторонам, ни вверх, ни на дорогу, на которой лежали тени вкопанных вдоль обочины крестов.

На душе было мерзко. Это он привел их сюда. На смерть. Одно утешение – он умрет вместе с ними. Если, конечно, победители не придумали для него что-нибудь особенное...

Нет, не придумали. Зато отвели почетное место: на самом верху, между скулди и Агилмундом. Две ямы по локтю глубиной и грубо сколоченный крест в виде буквы «х».

– Ложись, варвар! – скомандовал бородатый.

Коршунов медлил – у него возникла мысль: а не броситься ли сейчас прямо на римские копья? Умирать – так уж сразу!

Нет, не годится. Это все равно что сбежать, бросив своих... которые еще живы. Пожалуй, он не имеет права оставить их умирать... в одиночестве.

– Ложись, варвар, больно не будет! – повторил легионер, по-своему истолковав медлительность пленника.

– Да пошел ты... – по-русски пробормотал Коршунов.

И выполнил команду.

Больно и впрямь не было. Если не считать того, что болели раны.

С десятков легионеров ухватились за канат. Основания бревен соскользнули в ямы, уперлись, и крест начал медленно подниматься вверх, унося Коршунова навстречу светлому южному небу.

Через пару минут все было кончено. Крест встал вертикально, Коршунов «сел верхом» на вбитую в крестовину палку, принявшую на себя его вес. Бородатый еще разок проверил, хорошо ли привязаны к кресту руки и ноги Коршунова, удовлетворенно кивнул и удалился.

Вид с холма открывался превосходный: рощи, виноградники, поодаль – аккуратные домики земледельцев. Плодородный, благодатный край... а он, Коршунов, привел сюда варваров... ну да, привел. И теперь те из них, кто уцелел, чудовищными украшениями висят вдоль обочины превосходной римской дороги.

И это – последнее, что увидит в жизни бывший ученый, бывший космонавт, бывший рикс Алексей Коршунов. Н-да... зато смотреть на этот пейзаж он будет долго. Может, два дня, может, три... если, конечно, раны не откроются и он не истечет кровью раньше... ну тогда ему, считай, повезло. Как Ахвизре, чья голова уже бессильно повисла...

– Агилмунд! – позвал Алексей. – О чем думаешь?

– Да вот думаю... – мрачно отозвался родич. – Примет ли меня вотан, ежели вот так умру? Без меча в руке, без погребения, без тризны...

Гот тяжело вздохнул. И справа, эхом, вздохнул скулди.

«Надо же, – подумал Коршунов. – Не то их беспокоит, что придется подышать долго и мучительно, а то, признает ли их какой-то там вотан... впрочем, правильно. Для тех, кто верит

в загробную жизнь. Вопрос: верит ли в нее кандидат наук А. В. Коршунов? Раньше вроде бы верил... во что-то такое...»

– Я так думаю, – громко произнес он. – Вотан – не какой-нибудь безмозглый гепид: сумеет отличить воина от свинопаса. А ты, Агилмунд, столько народу в хель отправил, что никакой тризны не нужно. Вот в последнем бою хотя бы... присмотришь, брат: неужели ты не видишь, как выются вокруг ду ши поверженных тобой врагов?

– Не-а... – пробормотал Агилмунд. – Никого я не вижу, кроме наших повешенных парней да вот этих римлян, что жрут копченный свиной бок у меня под ногами.

Римляне, о которых шла речь, беседу двух варваров игнорировали. Они обедали. Повешенные были для них уже не живыми людьми, а вороньим кормом. За которым пока что надо присматривать.

– Я – вижу! – решительно заявил Коршунов. – И ты верь мне, Агилмунд! Я – Аласейя, пришедший с неба, я видел богов и разговаривал с ними! И я говорю тебе: боги отличат настоящих воинов, какой бы ни была их смерть! Так что если вскоре умрешь ты, Агилмунд, то отправишься прямо к своим богам! Это я тебе обещаю! Конечно, смерть твоя будет нелегкой...

– Плевать! – Агилмунд заметно повеселел. – Перетерплю. Слышишь меня, вотан! – рявкнул он во всю глотку. – Скоро я приду к тебе!

– Эй, Аласейя! – это подал голос скулди. – А ты не врешь? Насчет богов?

– Ты никак умом повредился, герул! – насмешливо бросил Коршунов. – Кто же рискнет соврать, говоря о *таком*? Или ты забыл, что и сам я тоже очень скоро покину этот мир?

– А ведь верно! – признал герул. – Не станешь ты врать в час смерти, Аласейя! – скулди рассмеялся. – Хорошо иметь такого вождя, как ты! – заявил он. – Биться рядом с тобой хорошо, а умирать – еще лучше! Хотя, сдается мне, не к нашим богам попадешь ты, а к своему христианскому богу. Жаль! Очень тебе будет скучно после смерти, Аласейя.

– Я попрошу вотана! – решительно заявил Агилмунд. – Разве Аласейя не воин? Пусть вотан договорится с христианским богом. Или я отправил в хель мало христиан? Обменять их души на душу Аласейи – правильное дело!

– Точно! – поддержал скулди. – И я отдам своих на это дело! И без христиан найдется кому мне прислуживать в валхалле! Отдам! Душа такого воина, как ты, Аласейя, много потянет на загробных весах. Не один десяток христианских душ потребуется.

– Коли так, то и я своих готов отдать! – крикнул кто-то из повешенных ниже.

– И я! И я! И я!

– Чего разорались! – недовольно гаркнул один из римлян. – Вот я вас!

На него никто не обратил внимания. И впрямь: что можно сделать тем, кто уже, считай, мертв?

– Ты слышишь, Аласейя! – резюмировал Агилмунд. – Выкупим мы твою душу у христианского бога, не сомневайся!

Коршунов был растроган. И поклялся себе до последнего вздоха не уронить себя в глазах этих людей. Это все, что он мог для них сделать: облегчить надеждой их мучительную смерть.

Хотелось пить. А ведь их всех напоили не больше часа назад. Повязка на боку набухла от крови, потяжелела. Наверное, надо радоваться. Если кровотечение не остановится, Алексей вскоре ослабеет и потеряет сознание. Как Ахвизра. А потом умрет. Быстро и, можно сказать, легко. Проблема в том, что Коршунову совсем не хотелось умирать. В конце концов, это несправедливо! Варвары все равно пришли бы на эту землю. И крови пролилось бы куда больше, если бы Коршунов не пресек бессмысленную резню. Нет, это просто свинство – повесить всех пленных без суда! Где же хваленое римское правосудие? Где законы, которые будут изучать и через две тысячи лет?

– Эй, скулди! – крикнул Коршунов. – Скажи этим ромлянам, что я хочу видеть их военачальника.

– Зачем он тебе? – отозвался герул. – Скоро ты увидишь богов.

– Хочу взглянуть на того, кто нас победил, – заявил Алексей.

«И договориться, если удастся», – добавил он мысленно.

Такая казнь хороша тем, что у судьи есть время передумать. Но надо поторопиться. Большинство казненных будут умирать несколько дней, но такие, как Ахвизра, не смогут продержаться долго. Чем черт не шутит? Вдруг Коршунову удастся переубедить римлянина?

В любом случае, терять нечего...

– Эй, вы! – гаркнул скулди по-латыни. – Наш вождь желает сообщить что-то важное вашему главному командиру.

– Пусть скажет мне, а я передам, – ответил старший из стражников.

– Так не пойдет!

– Стало быть, не пойдет, – флегматично отреагировал стражник. – Чтобы я беспокоил принцепса из-за такого вороньего корма, как вы...

Внезапно слух Коршунова потерял остроту: словно в уши вату напихали. Сквозь эту вату до него доносилась перебранка скулди и охраны, крики ворон, лязг металла откуда-то со стороны римского лагеря...

– Эй, ты, варвар!

Острая боль вспыхнула в раненом боку. Коршунов сдержал стон, с усилием разлепил глаза. Стражник, вознамерившийся было еще раз ткнуть древком копья в бок Алексея, не стал этого делать.

– Ты хотел мне что-то сказать, варвар?

– Я... – голос стал сиплым, в глотке – будто наждак.

Что-то влажное прижалось к губам Коршунова. Губка, набухшая кисловатой влагой.

– Кто ты?

– Старший кентурион Гай Ингенс. Что ты хотел мне сказать?

– Я... – Алексей посмотрел сверху на кирпично-красное, со свернутым в сторону носом грубое лицо старшего кентуриона и понял, что надеяться не на что. С этим человеком ему не договориться. – Я? Ничего.

– Тогда подыхай молча, варвар! – сердито бросил кентурион. Развернулся и двинулся вниз, лавируя между крестов.

Коршунов закрыл глаза. Нет, ему было не страшно умирать. Обидно немного. И Настю жалко. Как она теперь, без него?

Часть первая

Вождь варваров

«Necesse est maximorum minima esse initia».²

*Осень девятьсот восемьдесят шестого года
от основания Рима. Крым. Берег Черного моря*

– Никогда... никого... такой... как ты... Настя... – шептал по-русски Алексей в мягкое ушко с крохотной дырочкой от сережки.

Струи черных волос, шелковые змейки, оплели его шею.

– Что-что-что ты говоришь?.. – бормотала она по-гречески. – Я не понимаю, Алёша...

«Алеша» – первое русское слово, которое она выучила.

«Скажи, как звала тебя мама?»

«А тебя?»

«Анис...»

«А меня – Алёша».

«Алеша». – Она выговорила правильно, с первого раза. У нее были замечательные способности к языкам.

У нее были способности ко всему. И здесь, на ложе, на покрывале из алого шелка, в полной темноте крымской ночи, внутри шатра, *Алексей видел* каждую частичку ее тела. Руками, губами, кожей...

– Анис, ты меня любишь?

– Любишь!

Это русское слово она тоже узнала одним из первых.

– Еще?

– Не сейчас... – Тонкие пальцы с острыми ноготками мышиными лапками пробежались по коже. – Не надо, Алеша. Ты должен быть сильным... завтра. Не то он тебя убьет...

– Тогда отпусти меня.

– Я-а-а? – Изумление, смех, низкий, хрипловатый, после которого ну просто уже невозможно...

– А-а-х... – Влажные ладошки легонько толкнули его в грудь, Алексей послушно скатился на край ложа (голова свесилась вниз) и замер – нет, не в изнеможении, в сладкой расслабленности. Но никогда он не чувствовал себя таким сильным. Никогда...

Снаружи перекликались часовые, залаяла собака... военный лагерь. Тысячи людей. Тысячи обученных убийц. Войско. Дружины рикса Одохара, рикса Комозика... и его, рикса Аласеи, Алексея Коршунова, того, чьи небесные паруса – цвета снега и крови. Если, конечно, завтра его не убьют....

Анастасия зашевелилась. Маленькая ступня коснулась его колена... легкий, бесшумный прыжок – звук поглотила медвежья шкура у ложа.

– Пей... – Чаша с разбавленным (по-гречески) вином коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем сам он успевал их осознать.

² Necesse est maximorum minima esse initia – «Великое берет начало с малого» (лат. пословица).

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионом. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувственности, – эта женщина была оружием более страшным, чем копье в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзиться в сердца врагов империи. Но Алексей не ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет пронзать сердца. Разве что чиркнет пару строк на пергаменте – и полетит через море свернутый в трубочку крохотный свиток... и сделает... нет, уже сделал больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к ее припухшим губам. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видел* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем. Потому что в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять *ее*...

Глава первая

Готы, герулы, бораны и прочие варвары

*Август девятьсот восемьдесят шестого
года от основания Рима. Приднестровье*

– Значит, вот ты каков, Аласейя, большая вода, тот, кто пришел с неба...

Риксу герулов Комозику – за сорок. Здоровенный, под два метра, костлявый, борода – пакля, руки – клещи. На каждой руке – полкило золота.

– Что-то ростом, смотрю, ты не очень. Плохо, что ли, кормят у вас там, в *Байконуре*?

«Ах ты морда зеленая, – подумал Коршунов. – Осведомленность свою показать решил...»

– А у нас по величине только о быках судят, – осклабился он. – Которых на мясо откармливают. Воина же по-другому оценивают.

Комозик нахмурился: прикидывал, не оскорбили ли его?

– И как же у вас воинов оценивают?

– По делам, – лаконично ответил Алексей.

Вертикальная складка на лбу рикса герулов разгладилась. С делами у него тоже обстояло неплохо.

– Пошли, что ли, Одохар, перекусим, – сказал он. – С дороги в глотке пересохло. Такой путь... – и ухмыльнулся щербато.

«Ну и рожа, – подумал Коршунов. – Одохар в сравнении с ним – просто красавчик».

А вот с чувством юмора у рикса все в порядке. За прошлый день герульская дружина прошла максимум мили три.

Это Алексею Скулди поведал. И пояснил почему. Негоже такому вождю, как Комозик, ждать такого вождя, как Одохар. Земля здесь чужая. Оба – вроде как гости. А по положению – равные. Следовательно, и на место должны прибыть одновременно.

– Пойдем, – кивнул Одохар.

Совещание на высшем уровне.

Они удалились.

Коршунов огорчился. Рассчитывал, что его тоже пригласят. Утешало то, что Агилмунд и Скулди, «замы по безопасности», к руководству не присоединились.

– Вот что, почтенные гревтунги, пойдемте-ка прогуляемся, – предложил Скулди. – Хочу вас кое с кем познакомить...

– Это с кем же? – подозрительно спросил Ахвизра.

– Увидишь. Не хочешь – можешь не ходить.

Привлеченные разговором, к друзьям подтянулись несколько герулов из прибывших с Комозиком. Тоже зеленомордые. Коршунов поискал среди них первого кореша скулди и своего старого знакомого Кумунда... Не обнаружил. Хотя пара-тройка герулов размерами Кумунду ничуть не уступала.

– Не пойдешь?

– Как же! Ты тут небось уже все разнюхал: и где пиво слаще, и где девки мясистее! – ухмыльнулся Ахвизра.

– Насчет девок ты промахнулся! – заржал скулди. – Девок надо было с собой привозить. Вон как Аласейя! На! Подарок соложнице твоей! – На мозолистой ладони герула оказался зеленый флакончик с затейливой пробкой.

– Это что? – осторожно спросил Коршунов.

– Бери-бери! Ей понравится!

– Благовония, что ли?

– Вроде того. Стайса твоя знает. – Скулди ухмыльнулся довольно-таки похабно.

У Коршунова даже возникло желание дать ему в глаз, но он сдержался. Горбатого могила исправит. Тем более – дорогой подарок, сразу видно.

Тут Коршунова слегка оттеснил здоровяк Ахвизра.

– Слышь, герул, а что ты насчет девок сказал, я что-то не понял... – прорычал он.

– А тут и понимать нечего! Нету тут девок!

Поднятая скулди тема заинтересовала еще нескольких воинов. Между герулами затесалась пара-тройка незнакомых Коршунову готов.

– А кто есть? – поинтересовался один из них.

– Козы есть! – громогласно сообщил скулди. – Овцы тоже.

– Чего-то я не понял, – сказал тот же незнакомый гот. – Мясо – это мясо. А я когда пожру, так мне как раз бабу помять – очень хорошо. Только чтоб без болтовни этой всякой...

– Ну так я тебе скажу: коза – это то, что тебе надо! – вмешался Ахвизра. – Она вообще не говорит, только мемекает.

Украшенный синей татуировкой лоб гота пошел морщинами: осуществлялся мозговой процесс.

– Так она ж сбежит! – родил «мыслитель».

– А ты ее привяжи! – посоветовал Ахвизра.

– Тьфу! – возмущенный Агилмунд сплюнул наземь. – Даже слушать вас – противно. Вы б еще свинье заправили! Давай, скулди, веди, куда собирался. Самое время горло промочить.

– Вот! – торжественно произнес скулди. – Славный боранский рикс Крикса!

– Крикша! – недовольно поправил «славный боранский рикс».

Росту в нем было примерно столько же, сколько в Коршунове. Зато весу – пудов шесть. Пегая борода, расчесанная косичками, пегие лохмы вокруг загорелой лысины. Из-под бороды виднеется золотой кулончик размером с кофейное блюдо. На золотой же цепке в полпальца толщиной.

Боранский лагерь стоял особняком. Дюжина патров, полсотни коней. Мелкий отряд. Коршунову было непонятно, почему скулди привел их сюда. Непонятно до тех пор, пока он не оказался внутри патра, не увидел «славного вождя» крикшу со-товарищи, не оценил интерьер и количество рыжего металла на достойных боранах. В этом мире золотые украшения – не столько украшения, сколько свидетельство ранга. Сто граммов – преуспевающий землепашец. Пятьсот – удачливый воин. Килограмм-полтора – уважаемый человек. Вождь. А тот, под которым ходят другие «уважаемые люди», мелким вождем быть не может. Вывод: лысый крикша прибыл не с войском, а со свитой. А дружина его – где-то в другом месте. И еще не известно, присоединится ли он к «великому походу».

– А это, – продолжал скулди, ничуть не смущаясь недовольным выражением на обветренной физиономии борана, – тот, о ком я не раз рассказывал: Аласейя, победитель многих героев, великий воин, пришедший с неба. Вы видели его корабль с парусом цвета снега и крови, сшитым из...

– Корабль... – с кривой усмешкой перебил крикша. – Вы слышали? – Он повернулся к своим: – ту лохань с палками вместо мачт он назвал кораблем!

Два других борана захихикали.

Коршунов застыл, пораженный.

И было от чего.

Лысый боранский рикс говорил не по-готски.

Совсем на другом языке.

И язык этот Коршунову был вполне понятен.

Ибо был весьма похож на тот, на котором Алексей говорил от рождения.

На русский то есть.

– Рад приветствовать столь славного воина, – уже по-готски буркнул лысый. – Поведай мне, как там у вас на небесах?

И добавил по-своему:

– Герул и врет, как... герул! Ха-ха! Будь я проклят, если этот парень способен летать по небу лучше, чем валун, сброшенный со скалы в море. Думаю, что и плавает он не лучше.

И одарил Коршунова издевательской улыбкой.

Но тот уже пришел в себя от изумления. Более того, он вспомнил, в каком контексте слышал раньше о боранах, и так же иронически ухмыльнулся в ответ.

– Ты тоже больше похож на кабана, чем на дельфина, уважаемый крикша, – сказал он по-русски. – Но мне почему-то кажется, что ты плаваешь лучше, чем кабан. Или я ошибаюсь?

«Славный боранский рикс» крикнул. Лысина его побагровела.

– Что ж не сказал, что по-нашему разумеешь? – недовольно проворчал он.

– А ты спросил? – усмехнулся Коршунов.

С полминуты они буравили друг друга взглядами: кто кого? Вышла ничья.

– Мордой ты на этих не похож. Чьих сам-то? – изрек крикша, кивнув на спутников Коршунова, ничего не понимавших, но инстинктивно напрягшихся. Агилмунд, тот даже рефлексивно подшагнул к Алексею: перехватить удар, если что. Знал сын фретилы, что в рукопашной «великий небесный воин» – не ахти.

– Сказали тебе: с неба упал. – Коршунов усмехнулся.

– Будет врать-то! – в свою очередь ухмыльнулся боранский вождь. – С неба токо дождь да дерьмо птичье падают. Не хочешь говорить – дело твое. – И, перейдя на готский: – Слыхал я, с дороги вы. По нашему обычаю, коли с дороги человек, так надо его сперва угостить-попотчевать, а уж потом разговоры говорить. Так что пойдемте, достойные, порадуем животы. Поляна уже накрыта, яства стынут.

Как говорится, голод – лучший кулинар. Однако Коршуновская Настя готовила получше боранских поваров. Зато вино было вполне приятное.

Алексей вспомнил, как в день знакомства скулди «проставился» бурдюком едва забродившего кислого виноградного сока. Решил хитрый герул проверить: не ромлянин ли Аласейя? Разбирайся скулди в винах и будь вино в бурдюке подобно этому, как пить дать провалил бы Коршунов примитивный тест, заданный ему «начальником внешней разведки» рикса Комозика.

За первой и второй «переменной блюд» беседовать не положено. Положено насыщаться и высказываться по поводу присутствующих: дескать, какие славные и щедрые люди собрались на этой классной поляне...

К делу перешли, когда наступило время «десерта» – каменной крепости печенья с отчетливым запахом меда и воска. Печенье полагалось макать в вино. Готам, которые по привычке потребляли пиво, пришлось непросто. Но на зубы они не жаловались: грызли так, что треск стоял.

Этим звуком, собственно, их участие в беседе и ограничивалось. Тему вел скулди. На пару с боранским лидером.

Начав с того, какое нынче могучее войско собралось на берегу великой реки Борисфен (а ведь не все еще подошли, далеко не все), скулди плавно перешел к грядущим победам,

к живописанию добычи, какую союзное войско планирует взять на богатых ромлянах, кои, разумеется, не смогут противостоять столь могучим и многочисленным воинам...

Речь скулди текла столь гладко и непрерывно, что производила убаюкивающее впечатление... но не на крикшу.

– Что ты такое говоришь, скулди-воин? – невежливо перебил словесное медоточение боранский рикс. – Может, ты забыл, как служил у ромлян? Или ты не бился с ними и против них? Или ты забыл, что такое *легионы Рима*? Всего вашего войска и десяти тысяч копий не наберется. Одного легиона хватит.

– Ну да, – поддакнул скулди. – Если он будет там, куда мы придем, этот легион.

– Он будет, – заверил боранский рикс. – Непременно подойдет.

– Верно, – снова согласился Скулди. – Подойдет. Только нас там уж не будет. Но для этого, уважаемый крикса, нам нужны корабли. Способные бороздить морские воды быстрые и крепкие корабли. Ваши корабли, крикса. Известно, что не столь уж велики гарнизоны в городках понтийской провинции. Если напасть внезапно, можно большую добычу взять. И ускользнуть без помех. Вот для этого и нужны корабли. Крепкие и вместительные корабли, способные нести тяжкий груз. Ибо золото – тяжелый металл, как тебе известно, уважаемый крикса.

«Ага, – подумал Коршунов. – Ситуация проясняется. Ну конечно. Не на готских же корытах по морю плавать».

Он покосился на Агилмунда и Ахвизру. Соплеменники-гревтунги молча сосредоточенно грызли печенье, прихлебывали пиво. Оба были недовольны. Ну да, по готским меркам такие скоропалительные переговоры – сущее невежество. Серьезные мужчины так не делают.

Серьезные мужчины сначала присматриваются друг к другу недельку-другую, потом начинают осторожно прощупывать: что да как?

Ну, для таких торопыг, как, например, Ахвизра, недельку можно сократить до пары дней. Но обсуждать ключевые вопросы, только-только поставив шатры, – это противоречит всему готскому политесу.

– Ох, рано ты, Скулди-воин, взялся медвежьей шкуру делить, – усмехнулся крикша. – Ты прежде возьми добычу на ромлянах. А уж мы поглядим, как у тебя получится. Со стороны.

– Не дашь кораблей? – в лоб спросил скулди.

– Не дам! – отрезал крикша.

– Тогда зачем приехал?

– Да хоть тебя послушать.

– Послушал?

– Послушал. И понял, что не видишь ты, Скулди-воин, дальше своего кривого носа.

«Не подерутся», – подумал Коршунов.

Не зря толстяк их сначала покушать позвал. Хлеб преломили – всё. На открытый конфликт без серьезного повода идти не положено.

– Ну-ну, – пробормотал скулди. – Объясни нам, боранский рикс, что ты такое видишь, чего мы углядеть не можем.

– Скажу, коли сам не знаешь, – согласился крикша. – Напомню, если забыл. О понтийской эскадре ромлянкой. О двух дюжинах боевых кораблей, что ходят вдоль побережья.

«Похоже, толстяк его уел», – подумал Коршунов.

Умолк хитрый герул, задумался.

Но на гревтунгов сей довод не произвел такого сокрушительного впечатления.

– Сколько ты сказал? Две дюжины? – переспросил Ахвизра. – А у вас, сам говорил, пять сотен кораблей. Да и у нас...

Крикша ухмыльнулся. Коршунову была знакома эта ухмылочка. Читалось в ней извечное превосходство соленого моремана над сухопутной крысой.

– А видел ли ты, Ахвизра-воин, ромлянскую трирему?

– Видел! – отрезал гот.

– И что скажешь?

– Скажу: большая. Да только у иных бургов стены втрое выше, чем борта у той триремы. И брали мы эти бурги на копье – не помогли стены.

– Брали, говоришь? – боран прищурился. – Ну-ну... А видел ли ты, Ахвизра, римскую трирему *в бою*?

Ахвизра покачал головой.

– Так вот что я скажу тебе, Ахвизра-воин: даже пятидесяти наших кораблей не хватит, чтобы справиться с ней.

– Я так и думал, что ты просто боишься, – буркнул Ахвизра.

– погоди! – вмешался Скулди. – погоди, Ахвизра! Слушай, крикса, я не хочу, чтобы ты бился с ромлянами на море. Я хочу, чтобы ты доставил нас к какому-нибудь понтийскому городу. Доставил, высадил, а потом забрал с добычей. А с римскими триремами нам встречаться ни к чему. Обойти их – и всё тут.

– Ты в уме ли, герул? – вмешался один из спутников крикши. – Как это – обойти?

– А так! Это ж не дорога, а море. Сворачивай, куда хочешь.

Боран уже собрался возразить, но его остановил крикша:

– погоди, скуба! Не видишь: он в морском деле ничего не понимает. – И, обращаясь к Скулди: – Неправ ты. В море тоже дороги есть. Древние. Проверенные. По ним отцы и деды наши ходили. Не обойти нам ромеев. Хочешь – к устью Данубия вас доставим?

– Ну да, – желчно произнес Скулди. – Прямо на ромейские мечи! Пошли, друзья-грев-тунги! – бросил он, поднимаясь. – Спасибо за угощение, почтенный крикша!

– Приходите еще, – отозвался тот. – Мы тут еще побудем...

Глава вторая, в которой обсуждаются вопросы варварской политики и стратегии

В шатре Одохара они сидели вшестером: сам Одохар, Ахвизра с Агилмундом, Травстила и Коршунов.

Агилмунд вкратце изложил результаты общения с боранами. Рикса Одохара, похоже, итог переговоров не удивил.

– Если мы не можем пойти на ромлян, значит, мы пойдем на аланов, – сказал лидер гревтунгов. – Комозик говорит: аланы с ромлян недавно дань получили. Хорошо бы аланов побить, а эту дань забрать. У нас здесь большое войско. Еще гепиды подойдут...

– Гепиды? – Ахвизра скривился, словно у него зуб заболел. – Зачем нам гепиды? Сам знаешь, Одохар, тупоголовы гепиды и ленивы!

– А ты что скажешь? – Одохар повернулся к Агилмунду.

– Скажу: прав Ахвизра, – неторопливо изрек родич Коршунова. – Так и есть: тупоголовы и ленивы. И жадные вдобавок. Правда, храбрость в них великая, но беспокойства от них больше будет, чем проку.

– А ты что скажешь, Аласейя?

Коршунов помедлил, размышляя... раз Одохар решил пригласить гепидов поучаствовать в общем безобразии, значит, у него были основания. Значит, надо подыскать такой аргумент, который оправдает приглашение. Исходных данных, конечно, маловато...

– Верно ли, что эти гепиды тупоголовы? – спросил он. – Это как, слухи одни, или ты, Одохар, в этом сам убедился?

Рикс усмехнулся.

– Тупоголовых, Аласейя, и среди гревтунгов немало, – ответил он. – Но среди гепидов – больше. А у того рикса, который ко мне гонца с предложением послал, и вовсе бараньи мозги. Отец его поумнее был. Так Комозик говорит – и я ему верю, потому что разбирается в людях Комозик. Особенно во врагах. А гепиды ему давно уж враги, так как спор у них идет из-за земель сопредельных. Говорит Комозик: силен этот рикс. Может, даже посильней самого Комозика. А о Комозике точно известно: в бою он пятерых стоит. Да и войско у этого нового гепидского вождя – сильное. Так и рвется к потехе воинской.

«Вот это уже лучше, – подумал Алексей. – Картинка прорисовывается».

– Тогда я думаю так, – начал он. – Если гепиды сильны, храбры и есть у них с Комозику спор, то стоит Комозику уйти в поход на дальние земли, как эти самые гепиды на его собственные земли явятся. А если гепиды с Комозику в поход пойдут, то и герульские земли от них в безопасности. Так?

– Вот еще! – фыркнул Ахвизра. – Чтобы Комозик каких-то там гепидов плосконогих боялся!

– Помолчи! – оборвал его Одохар. – Говори дальше, Аласейя.

Коршунов кивнул, помедлил (для солидности) и продолжал:

– Однако ж Комозик сейчас наш друг, верно?

Одохар кивнул.

– Значит, помочь Комозику – доброе дело, верно?

Еще один кивок.

– Но дела большого похода – важнее личных дел Комозика и герулов, хоть мы и друзья с ними, верно?

Тут уж не только Одохар, Ахвизра с Агилмундом тоже закивали. Герулы, конечно, друзья... сейчас. А скулди вообще классный парень... но *большой поход гревтунгов* несравненно важнее!

– Значит, – заручившись общим одобрением, продолжил Коршунов, – надо прикинуть: хороши ли будут гепиды для *большого похода*?

Он сделал длинную паузу, чтобы высокое собрание прониклось значением вопроса. Собрание прониклось. Все молчали: ждали, какую мудрость Аласейя Большая Вода изречь изволит. Коршунов их ожиданий не обманул.

– Думаю, так, – заявил он. – Если все, что о гепидах сказано: что храбры, мол, они и туповаты, – правда, то очень даже пригодиться могут нам в большом походе гепиды. Хотя и мы, гревтунги, тоже храбры... – тут Коршунов опять прервался, дал время, чтобы лесть всосалась. – ...однако ж и аланы, как я понимаю, не трусливы и силой не обижены. Иначе с чего бы римлянам им дань платить?

Храбры аланы, подтвердило «высокое собрание». И силушка есть. Правильно, Аласейя, говоришь.

А если так, проводил свою тему Коршунов, то битва с ними будет отменная и нелегкая. А в нелегкой битве бывает, что крови много проливается. Оно, конечно, почетно для воина – кровь в битве пролить. Но еще более почетно готу, славному то бишь, с добычей домой вернуться. А для этого надо, чтобы кровь пролилась не готская, а чья-нибудь другая. Например, аланская. А поскольку аланы подраться тоже не дураки, то за свою кровь и чужой немало возьмут. И вот тут-то гепиды, храбрые и тупоголовые, очень даже пригодятся. В бою ведь всякое бывает... (тут Коршунов со значением посмотрел на Одохара.) Так бывает, что кто-то умереть должен, чтобы всем победа досталась. Так пусть не гревтунги падут, славные и правильные, а гепиды тупоголовые, которые вследствие тупости своей могут и не сообразить, когда следует храбрость проявлять, а когда от отваги безумной стоит и удержаться.

Тут Коршунов откинулся назад, дав знать, что речь его закончена.

Мнения разделились.

Ахвизра выразил протест: мол, безумная отвага всегда хороша, богам угодна и исключительно она к победе ведет. Без вариантов.

Агилмунд склонялся к тому же мнению, но не столь безапелляционно.

Одохар помалкивал, но, похоже, придерживался точки зрения Коршунова. И это Алексея порадовало. Безбашенность варваров-готов его пугала. Он предпочитал результат боя самому процессу. Возможно, потому, что в рукопашной по-прежнему был весьма посредственен.

Травстила делал вид, что спит.

Одохар дал возможность Ахвизре выразить протест. Выслушал и Агилмунда. Когда оба храбреца высказались, поинтересовался мнением Травстилы.

Кузнец открыл глаза, изрек:

– Верно Ахвизра сказал: храбрость угодна богам. А вот кто из воинов богам угоден, то по воинской удаче решают. А мы знаем, что удача наша – Аласейя. Потому я так мыслю, Одохар: что Аласейя сказал, то богам и угодно.

И рикс Одохар кивнул, соглашаясь. Добро на участие гепидов в большом походе было получено.

Глава третья, в которой Алексей Коршунов занимается вопросами варварской политики и воинской тактики самостоятельно

И все-таки Коршунов предпочел бы воевать с римлянами. Хотелось ему не с дикарями-аланами рубиться, а приобщаться к местной цивилизации. Есть такая русская традиция: приобщаться к цивилизации с помощью танков или, на худой конец, боевых фургонов. А что делать, если иначе – никак?

У аланов тоже танков нет. У них, как Коршунову удалось установить, ударная сила – конница. Ну и на том спасибо. Ладно. Будет день, будет пища, как говорится. Не в аланах дело. И не ради того, чтобы подраться с аланами, затевался большой поход. Рим – вот настоящая цель. Коршунов еще со школы помнил, что Рим завоевали варвары. Вот эти самые готы. Значит, и здесь этот вариант можно прокрутить. Захватить какую-нибудь провинцию типа современной Коршунову Болгарии и организовать независимое королевство, вернее, риксовство... Мечты, конечно, но почему бы не попробовать их реализовать?

Источников информации о Риме у Коршунова было два: скулди и Анастасия. Оба источника сходились на том, что оторвать у империи кусок – невозможно. Куснуть пару раз, оттяпать клочок шерсти или кусок хвоста – и смыться. Не более того. Однако ж со слов скулди можно было сделать вывод, что:

Римская армия изрядно коррумпирована – увольнительную в город, освобождение от работ или тренировок можно запросто купить у непосредственного начальника;

Римская система гражданского управления также изрядно прогнила: все продается и покупается, от налогов можно уклониться, дав взятку чиновнику, воруют всё и все, а знать погрязла в роскоши и наслаждениях.

Коршунов был ученым, а следовательно, умел осмысливать информацию. И на основании полученной информации вполне мог допустить, что прочность империи изрядно преувеличена. Один хороший удар – и орех треснет. Если знать, куда ударить. А для этого сначала надо попробовать. Поглядеть собственными глазами на страшных римских легионеров, проанализировать их тактику, оценить возможности... Одним словом, надо было провести разведку боем. И, по прикидкам Коршунова, именно внезапный морской набег был бы идеальным вариантом такой операции. Даже не будучи профессиональным военным (военная кафедра плюс предполетная подготовка – не в счет), Алексей примерно представлял, как ведутся войны. Благо родился он в век информации и кинематографии. И то, как вели войну Одохар с Комозиком, Алексею казалось довольно примитивным. Они даже не потрудились выслать разведку, выставить охранение. Правда, по ночам общий лагерь охраняли, но и только. Оставалось надеяться, что эти самые аланы – не лучшие вояки. И не сумеют разгромить славное воинство. В общем, Коршунов решил рассматривать «аланский» поход как местную тактическую операцию и значения ей не придавать. А всю мощь интеллекта бросить на поиск решения «римского вопроса».

Главным препятствием к проведению «морской» операции был отказ боранов предоставить плавсредства. Главной причиной их отказа было присутствие римского военного флота в территориальных водах намеченного к набегу района. Значит, задача номер один – римский флот от данных берегов удалить. И единственный способ это сделать – слить противнику грамотно составленную дезинформацию. Коршунов уже продумал, как это можно сделать. Дело было за малым: уговорить Анастасию. Но это оказалось не так легко...

Если пользоваться терминологией времени Коршунова, Анастасия до встречи с ним была агентом Рима. Хотя нет, агентом Рима был Стайна. Настя была доверенным лицом некоего Марка Аврелия, легата, занимавшего должность «начальника разведки» при наместнике Нижней Мезии. Анастасия была шпионом, «шифровальщиком» и контролером отправляемой информации – в одном лице. Механизм передачи сообщений был прост: либо через доверенных лиц Стайны, либо через контактирующих (не бесплатно, разумеется) с римлянами герулов. На герульские земли римляне захаживали регулярно, а с племенами, проживавшими на «варварском» берегу Дуная-Данубия, у имперских торговцев был налажен чуть ли не постоянный товарообмен. Исходя из того, что говорила Настя, а также в результате простого логического анализа можно было предположить, что римский купец и римский шпион – синонимы. Впрочем, варвары об этом тоже догадывались, но в большинстве своем не понимали настоящей цены информации. Отчасти потому, что информация в здешних условиях передвигалась медленно и частенько запаздывала, отчасти потому, что большинство варварских племен жило сегодняшним днем. В крайнем случае – завтрашним. Решения о набегах принимались спонтанно, время и цель также выбирались скорее по наитию, чем по расчету. В походы ходили обычно осенью, когда урожай собран (и у противника в том числе). Или зимой, когда все равно делать нечего, а реки легко форсируются по льду. Решение о походе принимал обычно рикс, и подходил он к этому делу не стратегически, а оперативно-тактически. Стратегическими вопросами (например, переселением всего племени в более уютные места) занимались старейшины. Используя, впрочем, и разведданные, полученные во время тактических набегов.

Были, разумеется, и исключения. К ним относился «римский опыт» «начальника герульской разведки» скулди или «большой поход», затеянный Одохаром не только ради добычи, но и ради повышения собственного авторитета. Как и следовало ожидать, римский «агент влияния» «мирный» вождь Стайна не только вовремя проинформировал империю об опасности, но и приложил все силы, чтобы «экономическими методами» свести эту опасность к минимуму. Если бы Коршунов (при деятельной поддержке «фракции войны», разумеется) не вывел «мирного» вождя на чистую воду, вместо «большого похода» получился бы пшик. Или кровавая подстава.

Теперь же у гревтунгов (к коим нынче относился и Аласейя большая вода) появилась возможность дезинформировать противника.

Сделать «двойного» агента из Стайны было невозможно. Да это и не требовалось. Донесения для неграмотного гота составляла Анастасия. С тем же успехом она могла писать и под диктовку Коршунова. То, что тот посчитал бы нужным надиктовать.

Но Алексей проявил осторожность. И донесений типа «похода не будет, спите спокойно, дорогие римляне» засылать не стал. Слишком резкое изменение «курса» выглядело бы подозрительно. Наверняка у римлян имелись и другие шпионы, а скрыть передвижение войска в несколько тысяч человек по открытой местности невозможно. Поэтому Коршунов, не желая подрывать доверие к «двойному агенту», продолжал сливать противнику достоверную (ну, может, чуть-чуть подправленную) информацию и ждал ситуации, когда запущенная деза сможет радикально изменить расклад сил. Ждал – и дождался. И столкнулся с тем, что его подруга и наложница, безропотно составлявшая правдивые донесения, вовсе не хочет подставлять свою родину под удар.

Они сидели внутри шатра. Кожаный полог был откинут, и ночной воздух втекал внутрь, принося запах дыма и тины от заросшей ряской речки.

– Мне нужно, чтобы ты это сделала, – сказал Коршунов. – Мы должны их напугать. Чтобы триремы ушли от этих берегов к устью Данубия. Напиши им, что мы разбили аланов, что наше войско еще более увеличилось, потому что к нему присоединились гепиды. Они должны испу-

гаться и увести флот. Вот тогда мы проскользнем вдоль берегов и ударим – внезапно, стремительно...

– Алексей... – В черных глазах женщины посверкивало пламя лампадки. Смуглое прекрасное лицо. Только губы искривлены... словно от боли. – Алексей, зачем это тебе?

– Что именно?

– Этот набег. Варвары хотят воевать с варварами – и пусть. Зачем тебе вести их на землю Рима?

– Надо! – Алексей взял ее руку в свои жесткие ладони, после нескольких месяцев непрерывных упражнений с оружием покрытые твердыми валиками мозолей. – Мне это очень нужно, радость моя! Потому что я не собираюсь вечно скитаться по этим степям и драться из-за дюжины мешков с зерном. Я хочу туда! – Он махнул рукой в сторону юга. – Я хочу добраться до твоей империи и обосноваться в ней.

– С помощью варваров?

– Почему бы и нет? Они – мои друзья. Учти, я ведь тоже варвар – совсем не знаю латыни! – Алексей засмеялся, но Анастасия даже не улыбнулась.

– Если ты хочешь жить на земле Рима, совсем не обязательно врываться туда силой. Я могу тебе помочь...

Коршунов покачал головой.

– Я не хочу быть просителем, – произнес он с легкой надменностью. – Тем более я не хочу, чтобы ты просила за меня.

– Почему? – В голосе женщины прозвучала обида. – Из-за того, что я делила ложе с...

– Молчи! – Алексей коснулся пальцами ее губ. – Мне плевать, с кем ты была до меня! Но я хочу сам добиться того, что мне надо. И я хочу увидеть собственными глазами, что есть ваша Римская империя.

– Приезжай мирно. Приезжай торговцем. Со мной тебя пропустят через границу. Я...

– Настя! Думай, что говоришь! Да, через границу меня, может, и пропустят. А как я доберусь до этой самой границы? Через земли всех этих аланов и гепидов? Да еще с товарами! Да еще с такой красавицей, как ты! Ты что, не понимаешь, что первый же занюханный рикс с дюжиной дружинников прикончит меня? Эти варвары, о которых ты говоришь так пренебрежительно, моя настоящая сила! Вдобавок это мои друзья! Ты не должна относиться к ним с презрением! Хотя бы ради меня... – В голосе Коршунова прозвучали просительные нотки: он ведь действительно любил эту женщину.

– Я не презираю их, – негромко проговорила Анастасия. – Я их боюсь. Алексей, ты не знаешь варваров, то есть ты знаешь их такими, какие они у себя дома.

– Да, – согласился Коршунов. – Они довольно жестоки... – начал Алексей, не понимая, к чему она клонит.

– Нет! – перебила его женщина. – Ты ошибаешься!

– Разумеется, – желчно произнес Коршунов. – Они очень добрые. Мне, конечно, пригрезилось, как добряки Стайна с Одохаром решили тебя убить!

– Нет, не пригрезилось. Но, Алексей... – она взяла его за руку. – Пойми: таков их обычай! Я не осуждаю ни Стайна, ни Одохара. Мир в народе дороже жизни наложницы! Ты не прав! У себя дома эти скифы умеренны и справедливы, потому что живут по законам и обычаям дома. Но, Алексей, ты не знаешь, что такое варвары на земле Рима. Это – совсем другое. Потому что там они живут по закону войны. Я никогда не согласилась бы стать наложницей варвара, если бы не видела, что остается после их набегов. Что такое несчастье маленькой женщины в сравнении с этой бедой!

В ее голосе было столько горечи, что Алексей привлек ее к себе, погладил по голове, нежно, как ребенка.

– Ты сделала это ради Рима... – произнес он. – Я понимаю. Я тоже люблю свою родину...

И ощутил внезапный укол тоски. Его родина... увидит ли он ее когда-нибудь...

– Нет! – Анастасия качнула черноволосой головкой, отстранилась. – Я не люблю Рим. Моя родина – не Италия. Я эллинка. Я родилась в Антиохии. Германцы никогда не придут туда. Я не люблю римскую империю, Алексей. Но не обязательно любить своего повелителя, чтобы понимать его величие. Стыдно хулить грубость легионеров тем, кто живет за щитами легионов.

– Это не твои слова, – заметил Коршунов.

– Так говорил мой отец. И это правда.

– Я не спорю, – произнес Алексей. Он действительно понял. – Я больше не стану просить тебя делать что-то против твоей родины.

«Уж не знаю, как я объясню это Одохару и остальным, – подумал он. – Но объясню как-нибудь, куда я денусь, придумаю что-нибудь...»

– Алексей, я бы сделала это для тебя! – умоляюще проговорила Анастасия, сжав его руку. – Но я не могу. Они ведь не просто убивают: они убивают всех. Женщин, детей, совсем маленьких... просто для развлечения. После них не остается ничего – только трупы и пепел!

– А если я обещаю тебе, что не позволю им убивать ради развлечения? – негромко произнес он.

Женщина покачала головой:

– Ты велик, Алеша! Кому, как не мне, знать это. Но даже тебе не обуздать их звериной природы. Они не люди! Они только выглядят людьми!..

– Прекрати! – жестко оборвал ее Коршунов. – Я сказал тебе: это мои друзья. Всё! И я не собираюсь никого резать! Я собираюсь жить в твоей империи! Отвоевать от нее кусок...

– Ты не понимаешь... – Анастасия печально покачала головой. – Рим – это не то, что здесь. Рим – это государство. Твои варвары разграбят пару поместий, может, захватят какой-нибудь город... а потом придут легионеры и убьют всех варваров. Всех, кто не успел бежать. Воевать с государством, отнимать у него земли может только другое государство. Я изучала историю, Алексей, поверь мне – это так! Так было всегда!

– Допустим, – кивнул Коршунов. – Так было. Но я намерен это изменить. – В этот момент он сам верил в то, что говорил. Он был убежден в этом. – Да, я это изменю! Если ты мне поможешь. Настя!.. – Он взял в ладони ее нежное лицо, заглянул в черные влажные глаза: – Я прошу тебя: помоги мне!

Две слезинки скатились по смуглым щекам, смочив пальцы Коршунова.

– Да, Алексей... – прошептала она. – Я это сделаю... я сделаю то, что ты хочешь. Все, что ты хочешь... Я сделаю для тебя...

Глава четвертая

Тактика фехтования и стратегия войны

– Ну что ты делаешь! – возмущенно закричал Ахвизра. – Куда убежал?

– Но ты же мог меня достать! – резонно возразил Коршунов.

– А ты мог меня убить! Вот так и так! – Ахвизра взмахнул тренировочным деревянным мечом: наискось, потом – уколом снизу, в живот.

Он был прав: Коршунов в самом деле мог его достать из этой позиции. Сам при этом рискуя максимум легким ранением в ногу. И все-таки он не мог себя перебороть. Нет в нем безудержной отваги, свойственной здешним парням. Да и раньше не было. А будь меч Ахвизры из настоящей стали, Алексей вел бы себя еще осторожнее. Потому что уже видел, как легко таким мечом можно отмахнуть руку или вспороть живот. Ахвизре просто: он убежден, что, пав в бою, тут же отправится к вотану. А вот у Коршунова относительно себя такой уверенности нет. Зато у него есть обширные планы на будущее. А дырка в организме может существенно этим планам помешать. Конечно, у него аптечка, а в ней лекарства, позволяющие не опасаться заражения крови, но отрубленную кисть в местных условиях обратно не пришить. В общем, с точки зрения Ахвизры, Коршунов элементарно трусил. Но обвинить Алексея в трусости Ахвизра не мог. По здешним понятиям за таким обвинением от равного по статусу следовал немедленный вызов на смертельный поединок. В котором Ахвизра, разумеется, без труда прикончил бы Коршунова (чего самому Ахвизре вовсе не хотелось), а затем – также по определению – вынужден был бы сражаться со всеми родичами Алексея поочередно, начиная с Агилмунда, своего лучшего кореша... короче, обычаи здесь были таковы, что приходилось выбирать выражения.

– Что ты все время бегаешь, Аласейя! – раздраженно бросил Ахвизра. – Видел бы тебя какой-нибудь гепид, подумал бы, что ты боишься!

– Я бьюсь, как мне удобнее, – сказал Коршунов. – Скажешь, я бьюсь хуже, чем Сигисбарн?

Вышеупомянутый Сигисбарн на пару с Книвой, пыхтя и потя, отбивались от старшего брата на другой стороне утоптанной площадки.

– Не хуже, – признал Ахвизра. – И все-таки ты – паршивый воин... Вот так!

Коварный гот прыгнул вперед, лихо огрел по ребрам расслабившегося Алексея и захохотал:

– Не зевай!

Коршунов вяло, изображая усталость, рубанул в ответ своей деревяшкой (Ахвизра без труда отмахнулся)... и одновременно ловко подбил ногу противника, отчего тот приземлился на травку. Разумеется, через полсекунды Ахвизра уже снова стоял бы на ногах, но Коршунов, давно готовивший эту ловушку, успел придавить ногой правую руку Ахвизры и упер противнику в горло обмотанное тряпкой «острие». И тут же услышал одобрительный возглас Агилмунда, который, гоня братьев, ухитрялся еще следить за поединком. Нормальная, впрочем, ситуация. Коршунов уже знал, что в реальном бою надо «держат» все окружающее пространство, а не только своего непосредственного противника. Иначе мигом получишь железо в спину. Агилмунд умел фехтовать и наблюдать за окрестностями, а вот Книва с Сигисбарном – не очень. Но тоже захотели поглядеть, что там такое интересное совершил Аласейя... Книва, впрочем, успел отскочить (он вообще был очень ловкий и подвижный парнишка), а тяжело-весный Сигисбарн схлопотал деревяшкой по уху.

– Молодец! – Ахвизра был очень доволен. – Когда-нибудь из тебя выйдет отменный воин, Аласейя... – И вдруг змеиным движением вывернулся из-под «клинки», выдернул из сапога нож и полоснул по ноге Коршунова. Аккурат по сухожилию. Разумеется, тупой стороной ножа, а не острой, иначе быть бы Алексею калекой.

Миг – и Ахвизра уже на ногах, и уже его деревяшка упирается Коршунову в живот.

Опять обыграл ловкий гревтунг, а ведь реакция у Коршунова даже лучше. Ну да, Алексей знал: его проблема еще и в том, что он, добившись успеха, останавливается, расслабляется... а Ахвизра – нет. Ладно, еще не вечер.

Вернее, как раз вечер.

– Хорош, – сказал Алексей, отпихивая «меч» от своего живота. – Солнце садится. А завтра гепиды придут. Надо выспаться.

– Езжай, – кивнул Ахвизра. – Выспись. А то люди говорят: ты совсем плохо спишь. Каждую ночь в твоём шатре шум. Это блохи вам со Стайсой спать мешают, да? – гот ухмыльнулся.

– Да, – буркнул Коршунов.

Ну не лагерь воинский, а коммуналка какая-то.

Ахвизра ухмыльнулся еще шире:

– Такие злые у тебя блохи, Аласейя. Стайса твоя бедная от них так громко кричит!

– Я думаю, Ахвизра, если б тебя шершень за язык укусил, – сказал Коршунов, – языку твоему ничего бы не было, а вот шершень, тот бы от твоего яда помер.

И засвистел, подзывая свою лошадку. Шутки по поводу его и Насти Алексея уже порядком достали. С другой стороны, и шутников можно понять: на весь многотысячный воинский табор не наберется и сотни женщин. А уж равной его Анастасии и вовсе нет.

– «Марку Аврелию Клавдию, легату в мёзии, – от вождя славных гревтунгов – привет! Сообщаю тебе, что грозные соплеменники мои, вкуче со свирепыми герулами алчного рикса Комозика вкуче со злокозненными боранами и кровожадными гепидами, соединившись в бесчисленное воинство и погрузившись на множество кораблей, вознамерились морем достичь границ земель, что лежат к югу от устья Данубия...» – Коршунов запнулся, оторвал глаза от пергамента, посмотрел на Анастасию. – Я правильно читаю? – спросил он.

– Твоя латынь ужасна, – грустно проговорила женщина. – Но это не имеет значения.

– Почему?

– Потому что тебе никогда не быть гражданином Рима. А мне никогда больше не увидеть дома... – Голос Анастасии дрогнул.

– Почему?

– Ты ведь отправишь *это*? – Она показала на исписанный ею самой пергамент.

Алексей кивнул.

– Если моему донесению не поверят, меня сочтут предательницей. Если поверят, то тоже сочтут предательницей. Но позже, когда случится беда. – Анастасия тяжело вздохнула. – Даже если я рискну вернуться, я никогда не смогу жить под своим именем. И никогда не смогу встретиться со своими друзьями. Мне придется жить в вечном страхе, что когда-нибудь за мной явятся вегилы...

– Вегилы – это кто? – перебил Коршунов.

– Те, кому поручено следить за порядком и законом. Какая тебе разница, кто такие вегилы! – воскликнула она сердито. – Ты не понимаешь! Только там, на землях Рима, – настоящая жизнь. Культура, искусство, цивилизация... а здесь только дикость, грязь, блохи, варварская речь и варварская грубость! Ты не поймешь!

– Ну почему же? – усмехнулся Алексей. – Я тебя отлично понимаю. Еще здесь нет электричества и центрального отопления. А также телевидения, спутников и персональных компьютеров...

– О чем ты говоришь?

– Ты не поймешь! – Коршунов бросил на постель пергамент, тут же свернувшийся трубкой. – Тот мир, откуда я пришел, так же отличается от твоего Рима, как Рим – от готского бурга. Но я не оплакиваю его, понятно! Я пришел в этот мир, и я сделаю его своим! – Он при-

сел рядом с ней, обнял. – И твой Рим тоже станет моим. Если ты мне поможешь. Настя, бог свидетель, я делаю это не только для себя, но и для тебя. *Мы будем жить в Риме!* Мечом или золотом, но мы с тобой проложим себе путь к центру этого мира!

Женщина молча прижалась головой к его плечу.

«Эх, если бы у меня была возможность вернуться *домой!* – подумал Коршунов. – Вернуться вместе с тобой, Настенька...»

Но нет, невозможно. Тот, двадцать первый век, даже сниться ему уже перестал...

– Верь мне, любимая! – прошептал он. – Верь мне – и все будет!

Анастасия молчала. За тонкой тканью шатра гудел варварский лагерь, скрежетали цикады, громко плескала рыба в тинистой заводи...

Словно в каком-нибудь турпоходе. В каком-нибудь Лосево... м-да, турпоход. Немножко затянувшийся и немножко кровавый.

«Зато осень здесь теплая! – с непонятным ожесточением подумал Коршунов. – А когда похолодает – можно двинуться на юг. В теплые, так сказать, страны. Попутешествовать. В сопровождении персональной армии. Эх, был бы здесь Генка – порадовался бы за меня!»

На следующее утро он нашел Скулди, вручил герулу пергамент и попросил сделать так, чтобы данный пергамент в самые краткие сроки попал к римским торговцам, возвращающимся домой.

– Что здесь? – поинтересовался Скулди.

– Отправь его – и увидишь, – уклончиво ответил Коршунов.

– Что увижу? – спросил недоверчивый герул.

– Если все выйдет, как я задумал, бораны дадут нам корабли.

– А понтийская римская эскадра?

– Отправь это, Скулди! – решительно заявил Коршунов. – Отправь – и ты увидишь.

Алексей был уверен, что его план сработает. Имея дело с прямолинейными варварами, римские власти наверняка будут реагировать так же прямолинейно.

Глава пятая

На аланов!

Разношерстное войско двигалось по степи вдоль берега речки, впадающей в Днепр-Борисфен. Тяжелые фургоны на здоровенных колесах неторопливо катили по сомнительному подобию дороги. Всадники ехали группами в десять-двенадцать человек – по родам. Пехота топала как придется, но тоже кучкуясь по родственному признаку. Они и дрались так же. Организация у войска была типично родоплеменная. То есть – минимальная. Но толпа собралась изрядная, и кушала эта толпа хорошо. В смысле, не изысканно, а много. С провиантом пока проблем не было. Рыба – в реке, птицы – в камышах. За дичью покрупнее отражали охотников.

У «Аласеи – небесного героя», разумеется, был персональный фургон. Но «небесный герой» предпочитал передвигаться верхом. Степь – она, конечно, ровная, но это – на глаз. А если по ней ехать, да еще на такой «технике», при которой каждая кочка – твоя... так что в фургоне ехали его *тивви* Анастасия и родич книва. А «герой», на лихом мерине, – во главе войска, вместе с прочими вождями, коих набралось дюжины полторы. Каждый в этой элитной компании величал себя риксом и всячески подчеркивал свою независимость, что нередко приводило к конфликтам. Одохару с Комозику кое-как удавалось удерживать разношерстное воинство от внутренних раздоров, урезонивать, умиротворять... К некоторому удивлению Алексея, изрядным авторитетом по части решения конфликтов оказался Травстила.

Впрочем, и самого Коршунова тоже пару раз «заряжали» в качестве судьи. Особенно много проблем было с гепидами. Те оказались действительно безбашенными. С другой стороны, их вождь, зверовидный детина лет восемнадцати, то есть младше Сигисбарна (и не сказать, чтоб умнее), ходил теперь у Коршунова в приятелях. Алексей, увидев, какими глазами красный (так звали гепида) смотрит на ало-белый плащ Одохара, презентовал парню красный отрез парашютного шелка. И получил в качестве «отдарка» отличный шлем и дружбу громилы-вождя. Если бы не эта маленькая деталь, держать в повиновении гепидов было бы нелегко. Но вождя они слушались. Красный слыл *вутьей*, местным берсерком: спорить с ним не решались.

Итак, могучее воинство готов-гепидов-герулов вышло в большой поход местного значения. Супротив аланов. Причем сами аланы наверняка об этом уже знали, поскольку о цели похода в войске знал даже самый последний ополченец. По вечерам все с большим энтузиазмом «делили» будущую добычу.

Коршунов, «путешествовавший» в компании Ахвизры, Агилмунда и Скулди, попытался выяснить у двух последних как лиц, особо приближенных к руководителям похода, – что это за народ такой – аланы. И, главное, как они воюют. В конце концов, надо же разработать какую-нибудь стратегию...

Оказалось, что никто, включая Одохара и Комозика, продумывать будущую войну не собирался. Вся стратегия сводилась к тому, чтобы вышеуказанных аланов отыскать, навешать им как следует (в успехе никто не сомневался, так как откуда-то пришла информация, будто аланские вооруженные силы сейчас не в лучшем состоянии), а затем слупить выкуп побольше.

Четыре дня войско двигалось без всяких ухищрений, и только на пятый день совокупное руководство армии наконец соизволило отправить разведку: пару разъездов по дюжине всадников.

Готский отряд возглавил Ахвизра, герульский – паренек по имени Берегед, отиравшийся возле Скулди и приходившийся последнему родичем. Еще одним изменением было то, что Агилмунд и Скулди ехали теперь бок о бок со своими риксами. Коршунов мог бы тоже присоединиться к ним, но воздержался. Отношения с герульским риксом Комозику не очень-то у

него складывались. С точки зрения Коршунова, Комозик вел себя слишком высокомерно. Ну и Коршунов, конечно, старался держаться с достоинством. Как и подобает «небесному герою». Только вот Комозику на «небесное происхождение» Алексея было начхать. Он вообще вел себя так, словно все вокруг в сравнении с ним – плесень. Разве что для Одохара делал исключение. Остальными, включая даже Скулди, откровенно помыкал. При этом сам герульский рикс, по мнению Коршунова, никакими особыми достоинствами, кроме общепризнанного умения колоть-рубить, не обладал. Ах да, был еще один человек, которого Комозик старался не раздражать: молодой вожак гепидов красный. Алексей, впрочем, догадывался, что причиной тому не то, что рыжий предводитель союзников тоже рикс, а то, что красный слыл не только полным отморозком, но тоже изрядным рубакой. И вызови вожак гепидов рикса герулов на поединок, очень возможно, что не гепидам, а герулам пришлось бы выбирать нового рикса. А вот Коршунов себе такой роскоши, как вызов, брошенный Комозику, позволить не мог. Единственный шанс выжить для него в такой ситуации – пристрелить герула из пистолета. Пристрелить-то можно, но понравится ли это войску? Да и с политической точки зрения живой, пусть и надменный, Комозик полезнее Комозика не гордого, но мертвого.

В общем, к риксам Коршунов присоединяться не стал. Все интересное друзья ему потом перескажут.

Поехал в одиночестве. Если можно считать одиночеством езду в голове колонны из нескольких тысяч человек и доброй сотни повозок.

Но даже и это одиночество Коршунова было вскоре нарушено. К нему присоединился боран по прозвищу Скуба.

Скубу «главный боранский рикс» крикша отрядил в качестве наблюдателя. А может, сам Скуба решил поглядеть на сборное воинство в деле. Так или иначе, но этот средних лет боран в сопровождении полудюжины боранов помоложе присоединился к участникам «аланской кампании».

Коршунов был одним из немногих, с кем Скуба мог разговаривать по-своему. Боранский язык от русского отличался примерно как русский от украинского. Но друг друга они понимали. К тому же Коршунов в свое время поездил по странам Восточной Европы: и в Польше бывал, и в Болгарии, наловчившись и там и там если не говорить, то понимать сказанное довольно свободно.

Прежде у Алексея не было возможности серьезно с бораном потолковать. А потолковать было надо. Еще когда стояли на днепровском берегу, Коршунов, с разрешения крикши, осмотрел боранский корабль. На человека двадцать первого столетия это суденышко особого впечатления произвести не могло (что не укрылось от крикши), но от готских судов кораблик отличался существенно. Примерно как баркас от плоскодонки. Впрочем, хороши боранские корабли или плохи, а без них любой морской набег попросту невозможен. Так что, когда Скуба сам подъехал к Алексею, тот обрадовался. Ему было просто необходимо заручиться поддержкой представителя местных мореходов. И кое-что узнать о специфике парусно-гребного мореплавания. По предварительным сведениям, здешние мореходы старались в открытое море не углубляться. Плавали вдоль берегов. Следовательно, если вывести флотилию в открытое море, а затем, просчитав курс, выйти прямо к исходной точке, то и патрулирующая берега эскадра не так страшна...

Но в это утро основательно пообщаться со Скубой Алексею не удалось. Не успело солнце пройти и половины пути до зенита, как впереди показались скачущие сломя голову разведчики.

Впереди – враги!

– Вовремя, однако, риксы отправили дозор, – заметил Коршунов.

Скуба повернулся к Алексею. На широком, покрытом темно-красным загаром лице борана выразилось удивление.

– Сегодня первый раз послали дозор – и сразу врага обнаружили, – пояснил Коршунов.

Скуба пожал плечами.

– Так мы же сегодня на аланские земли вступили, – сказал он. – Вот там, за излучиной, их бург стоит. Мы туда в позапрошлом году торговать приходили.

М-да...

Глава шестая

Сарматы

Да, враги были близко, и их было много. Более того, намерения у врагов (насколько могли оценить разведчики) были самые серьезные. Ахвизра еще не окончил «доклад», а Агилмунд уже птицей полетел к повозкам.

Тут Алексей впервые увидел, как строится «мобильная крепость» готов.

Тяжелые повозки разделились по принципу «на первый-второй рассчитайся», образуя две линии. Агилмунд метался между ними в клубах пыли и орал. Осуществлял общее руководство. Ему помогали несколько Одохаровых дружинников. И двадцати минут не прошло, как фургоны образовали что-то вроде каре, внутри которого расположились пешие готы и герулы. Гепиды под защиту фургонов не полезли. Красный пренебрежительно махнул рукой: дескать, таким храбрецам, как гепиды, негоже позорно прятаться за телегами.

Коршунов тоже за телегами прятаться не стал. Успеется. Выехал вперед, пристроился справа от Скулди, который застыл, стремя в стремя с Комозиком. Так они и стояли, аки три богатыря, дожидаясь появления супротивников. Попутно Коршунов рассказал Скулди анекдот. Дескать, был у него на родине в наидревнейшие времена такой богатырь – Илюша Муромский. И вышел он как-то на бой против Идолища Поганого. Ударило Илюшу по голове Идолище раз – по колено в землю ушел Илюша. Ударило идолище Илюшу (тут к «богатырям» подъехал боран Скуба – послушать, о чем речь) другой раз – по пояс в землю ушел Илюша. Ударило Идолище третий раз – по грудь в землю ушел Илюша. Выкарабкался из-под земли богатырь, отряхнулся и как даст Идолищу по макушке! Стоит Идолище Поганое. Илюша его еще раз по макушке – хват! Стоит Идолище Поганое! Поднатужился Илюша да в третий раз, со всей молодецкой силушки – бабах! Стоит Идолище Поганое! Только уши из задницы торчат!

Первым заржал Скулди. Чуть позже – засмеялся Скуба. Анекдот был рассказан по-готски, Скуба же по-готски понимал не вполне свободно. Комозик даже не усмехнулся. Когда остальные отсмеялись, заявил, что будь на месте любого из поединщиков он, Комозик, то голову второго можно было бы сразу закопать. Отдельно от туловища.

Враги появились прямо со стороны солнца. Всадники. Аланы?

Скулди выругался. Скуба негромко присвистнул.

Всадники приближались. Вернее, спускались, потому что степь впереди выгибалась склоном пологого холма. Враги ехали плотным строем, подминая лохматую траву. Над их головами, словно тростник, стояли поднятые к небу копья.

Коршунов покосился на Скулди. Герул был встревожен. С чего бы это? Если перед ними вся вражеская армия, то проблема невелика. Всего-то несколько сотен копий, по прикидкам Алексея. Раз в шесть меньше, чем войско «союзников».

– Эти что еще здесь делают? – громко и сердито произнес Комозик.

– Что он сказал? – поинтересовался Скуба, плохо знавший готско-герульский.

– Хочет знать, откуда здесь взялись сарматы, – буркнул Скулди. – Я бы тоже хотел это знать...

Аланы, сарматы... что-то такое осело в памяти Коршунова еще из школьной истории. Вот только какая между ними разница? А разница наверняка есть, коли уж все, кроме Алексея, моментально определили, кто есть кто. И разница, надо полагать, существенная, если тот же Скулди, настроенный по отношению к аланам вполне оптимистично (разобьем, отберем, поделим), так забеспокоился.

– Я догадываюсь, откуда они взялись, – отозвался Скуба. – Готов поставить полную горсть серебра, что я прав. Принимаешь?

– Принимаю, – кивнул Скулди. – Откуда?

– Аланы их позвали.

Скулди фыркнул:

– Сарматы аланам – не друзья.

– Ах, Скулди-воин! Золото превращает в друзей самых отъявленных недругов! Готовь свое серебро!

– Ну, еще посмотрим, – пробормотал Скулди и по-герульски повторил для Комозика слова борана.

– Думаю, он прав, – буркнул рикс герулов. – Что посоветуешь?

– Что-то мне не хочется драться с сарматами, – проворчал Скулди. – Дорого нам это встанет.

Коршунов во все глаза следил за приближающимися всадниками. Точно, их было всего три-четыре сотни, не больше. Лошади – до самых копыт – в каких-то тусклых серых доспехах. И всадники – в таких же доспехах. Только шлемы – металлические, сверкающие на солнце. А копья – просто чудовищной длины: метров по пять, не меньше.

Примерно в сотне метров сарматы остановились, лишь трое продолжали двигаться. Подрагивали древка копий, колыхались полотнища-доспехи, прикрывающие лошадей. Сами доспехи и на людях, и на всадниках были довольно странные: покрытые, словно чешуей, множеством костяных пластинок. Кажется, в несколько слоев. Должно быть, весили они изрядно, но и кони у сарматов были куда крупнее готских и герульских.

Шагах в двадцати трое придержали лошадей, разом опустили копья книзу, и их главный (судя по золоченому шлему и золотым украшениям на уздечке коня) произнес длинную фразу.

– Что он говорит? – спросил Комозик у Скулди.

Тот пожал плечами.

– Он говорит: это земли аланов, – вмешался Скуба. – Дальше вам хода нет.

– Что тебе до аланов, сармат? – бросил Комозик. – Твои земли далеко.

Сармат-вожак разразился короткой речью.

– Говорит, это не наше дело, – перевел скуба. – Но из добрых чувств он поясняет: аланское племя, что обитает здесь, наняло их, лучших воинов Боспора, Меотиды и всех прочих земель, чтобы охранять аланскую землю.

Тут скуба бросил многозначительный взгляд на Скулди: ну что, мое серебро?

Коршунов, привстав на стременах, поглядел на Одохара... и увидел, что рикс гревтунгов не только не намерен вступать в разговор, но даже подал своего коня назад и ушел с «первого плана», уступив место пешим гепидам во главе с Красным. Еще Коршунов увидел, что у вожака гепидов уже красна не только шевелюра, но и физиономия, а веслоподобная лапа молодого «отморозка» поглаживает рукоять секиры.

Внезапно, без всякого предупреждения, молча, красный прыгнул вперед. Топор его взлетел вверх...

Коршунов даже не успел углядеть, как «левый» сармат метнул аркан. Петля упала на Красного – и сармат тут же бросил коня в сторону. Но Красный оказался крут: мало того что устоял на ногах, но даже, перехватив петлю, едва не сдернул сармата на землю. Тот, впрочем, успел выпустить аркан, могучий гепид потерял равновесие, средний, главный, сармат послал лошадь вперед, ее грудью толкнул Красного, а тот, что бросил аркан, развернул коня и поскакал к своим. Аркан снова натянулся – он был привязан к седлу – и поволок за собой гепида. Красный, выпустив топор, ухватился двумя руками за натянувшийся аркан... он даже ухитрился встать на ноги, но другой сармат небрежным движением сунул ему в ноги свое длинное копьё – и Красный опять повалился на землю. На сей раз встать ему не удалось, потому что лошадь уже набрала разбег.

Все это множество действий произошло за считанные секунды. Коршунов только и успел отметить выверенную точность действий сарматов, а над степью уже прогремел рык Одохара:

– За возы!

Толпа гепидов, хлынувшая было вперед, чуть приостановилась.

Второй сармат тоже развернулся и поскакал к своим, а третий, тот, что говорил, помедлил несколько мгновений – и сделал левой рукой неприличный жест.

Этого хватило. Сотни разъяренных гепидов устремились к нему, главный сармат поскакал прочь, а плотный строй всадников снялся с места и покатился навстречу гепидам.

Самое интересное Коршунов пропустил. Потому что Скулди яростно рванул узду Коршуновского мерина.

– За возы! – заорал он, перекрывая прочий шум. – Живо!

Так что Алексей еще успел увидеть, как строй всадников «проглотил» своих посланцев, а вот как они сшиблись с гепидами, посмотреть не успел.

Вся герульско-готская кавалерия покинула поле боя, всосавшись в проемы между телегами. И едва последние дружинники Комозика и Одохара оказались внутри, как возы тут же развернули, замыкая «крепость». Успели. Спасибо гепидам, задержавшим атакующих. Задержавшим, впрочем, ненадолго. Когда Алексей снова взглянул на поле боя, сарматская конница уже вчистую стоптала гепидов и тем же сплоченным строем накатывалась на передвижную «крепость» готов. Из-за возов на сарматов посыпались стрелы, копья, топоры, но вся это метательная снасть причинила весьма незначительный урон. Всего лишь две бреши образовались в сарматском строю, да и те мгновенно затянулись.

Непомерно длинное сарматское копье возникло откуда-то сверху. Коршунов лишь в самый последний момент успел увернуться. А вот его соседу – молодому, безбородому еще герулу – не повезло. Другое копье прошло парня насквозь – наконечник выскочил из спины. Затем хозяин копья, вероятно, подал коня назад, потому что вопящего и извивающегося, как рыба на остроге, парня утянуло наружу.

Четверо сарматов одновременно навалились на один из фургонов и едва не опрокинули его.

Коршунов увидел, как Ахвизра с ходу «взбежал» по кожаной стенке фургона, а оказавшись наверху, отрубил руку одному из сарматов, проткнул шею второму, увернулся от копья, отшиб прямой клинок, который сармат держал в левой руке... Но тут бы Ахвизре и конец, если бы брошенное снизу готское копье не оказалось эффективнее вязнувших в костяной броне стрел и не продырявило грудь четвертого сармата, едва не поддевшего Ахвизру на острие.

Тут наконец Коршунов опомнился (до сего момента он наблюдал за происходящим, словно зритель) и взялся за арбалет. Вот это оказалось поэффективнее слабеньких варварских луков.

Взобравшись на крышу одного из фургонов, оставленных в середине «крепости», Алексей старательно выцеливал наиболее активных сарматов. Главным образом тех, кто совместными усилиями пытался сдвинуть фургоны и прорваться внутрь. К сожалению, запас болтов у него вскоре иссяк: осталась парочка, сохраненная на крайний случай, так что Коршунов снова превратился из участника в наблюдателя: лезть в мясорубку ему совсем не хотелось. Для этого он слишком ценил собственную жизнь. А эти сарматы управлялись со своими длиннющими копьями с такой ловкостью, с какой японец орудует палочками для еды. И все же их атака захлебнулась. Как только наступило некое равновесие, при котором обе стороны терпели примерно одинаковый урон, но ни одна не получала преимущества, сарматы прекратили штурм, быстренько развернулись и отбыли, подобрав, впрочем, своих раненых и убитых и мимоходом опять разметав уцелевших гепидов, собравшихся было в кучу и вознамерившихся помешать отходу противника.

Герулы и готы преследовать противника не стали. В принципе, могли бы: оседлав упряжных лошадей, они набрали бы почти тысячу всадников. Но, видимо, репутация у сарматов была соответствующая и известная обоим риксам. Коршунов, впрочем, тоже мог без особого напря-

жения фантазии представить, что может сделать с готско-герульской вольницей этакая «тяжелая кавалерия» на открытой местности. Достаточно поглядеть на поле боя, усеянное телами гепидов.

Глава седьмая «Настоящие воины...»

– Настоящие воины, – сказал Скуба, запивая вином утку, добытую книвой, и весьма искусно (с поправкой на походные условия) приготовленную Анастасией. – Рядом с поселком, где я вырос, их городок стоял. Мы им тогда дань платили... – Он еще раз приложился к вину, которое сам и принес. – У нас говорили: когда-то они большую силу имели. Да и теперь тоже не последние. И те, что здесь обитают, и те, что за Данубием живут. Воины они отменные.

– Это я видел, – согласился Коршунов. – Дорого нам эти аланы встанут...

Скуба пожал плечами. Ну да не им решать. Риксы уже приняли решение: следовать дальше. Собственно, потери были не такие уж большие. Десятка три раненых, дюжина убитых. Это – у готов и герулов. Гепидов побили изрядно, но то – гепидские проблемы. Хотя и от гепидов может быть польза. Одохар сегодня лично отметил: прав был Аласейя, когда рекомендации по использованию гепидов давал. Много пользы сегодня принесли готам гепиды, когда в глупой отваге под копья сарматов кинулись. И еще от них польза будет, поскольку не всех гепидов побили сарматы, а оставшиеся в живых безумной яростью исходят: желают сарматам за вождя своего и сородичей побитых отомстить. С вождем, правда, непонятно. Тело Красного на поле боя так и не нашли. Увезли его сарматы. Так что, может, жив еще Красный? Может, тешит сейчас сарматов мужеством своим и на каленое железо плюет, коим его, по обычаю, победители потчуют?

По правде сказать, Коршунову Красного было немного жаль. Отморозок, конечно, но папан неплохой. А что глуп, так это – по молодости. Да не так уж он и глуп... Для гепида. После сегодняшнего сражения Алексей склонен был разделить общее мнение об этом племени.

Короче, похвалил Коршунова Одохар. И тут же поинтересовался: не хочет ли Аласейя принять под свое начало уцелевших гепидов? Те его уважают. Сам Красный тоже его уважал. Опять-таки вождь гепидам нужен. Начнут из своих выбирать – большая драка будет. Всем известно, как гепиды вождей выбирают. Нельзя это дело на самотек пускать. Большая и бесполезная трата человеческого материала получится. А гревтунга или герула гепиды точно не захотят. Другое дело Аласейя – небесный герой...

Коршунов обещал подумать. Связываться с гепидами ему хотелось еще меньше, чем воевать с аланами. Но против единодушного решения риксов он пойти не мог. Не тот у него пока авторитет. И командир гепидам нужен, это точно.

– Скажи-ка мне, Скуба, как сарматы с пленными поступают? – спросил Коршунов.

– Да как все, – пожал плечами боран. – Продать, отпустить за выкуп, к делу приспособить...

– ...В жертву принести, – вставил Алексей. – На тризне.

– И это тоже. Хотя у них вроде бы такого обычая нет. Ты зачем спрашиваешь?

– Да вот думаю: они ведь скорее всего Красного в плен взяли. Как теперь с ним поступят?

– Вот этого не скажу. Может, и убьют. Раб из Красного скверный получится. Очень строптивый. А что?

– А то, что думаю я: вряд ли сарматы ушли далеко. У них же раненые. Если бы вот прямо сейчас по следу их пойти...

– Ничего не выйдет! – Скуба мотнул головой. – Ваши риксы ночью воевать не станут.

Это Коршунов и сам знал. Он уже высказывал свое предложение Одохару. Преимущества тяжелой конницы – в строю и в облачении. Ну и в навыках, конечно. А если налететь внезапно, застать врага врасплох, не в седлах и доспехах, а пешком и в рубахах...

Одохар идею отклонил. И, в общем, правильно. Их войско – не регулярная армия, которой приказал: «в бой» – и она пошла в бой. Тут многое от общего боевого духа зависит. А после

сегодняшней схватки с боевым духом у сводного войска – проблемы. Не говоря уже о том, что большинство относится к войне как к полевым работам. День пашешь, ночь отдыхаешь. Конечно, личные дружинники риксов смотрят на дело по-иному, но их слишком мало. Хотя...

– Как ты думаешь, Скуба, где сарматы могли на ночь остановиться?

– А что тут думать: прямо в ближнем аланском селении и остановились. Там и крепость имеется, и место удобное.

– А дорогу ты туда знаешь?

– Найду.

Скуба перестал есть, испытующе глянул Коршунова: к чему тот клонит? Не глуп боран. И силой не обижен. Естественно. Воин все-таки.

– А ночью – найдешь?

– Что ты задумал?

Теперь уже не только боран, но и остальные: Книва, Настя, Сигисбарн – перестали есть и устали на Коршунова. Книва и Сигисбарн – с большим интересом, Анастасия – с беспокойством.

– Да понимаешь... – усмехнулся Алексей. – Мне тут предложили гепидов под начало взять, да что-то не хочется.хлопотно это. Вот я и подумал: хорошо бы нынче ночью к сарматам наведаться и Красного у них отбить...

– И кто с тобой пойдет? – деловито спросил Скуба.

– Ты пойдешь?

Боран неопределенно махнул недоеденной утиной грудкой:

– А кто еще?

– Сейчас узнаем. Книва, ну-ка сбегай за Агилмундом. Скажи: хочу с ним потолковать о деле великой доблести. О каком – не говори. Я сам скажу. Только пусть поспешит.

Агилмунд поспешил. Еще бы! Заинтриговал его Коршунов. Пришел Агилмунд. С Ахвизрой вместе. И более того – в компании Скулди и Кумунда.

Книва шепнул виновато: мол, так вышло, что говорить пришлось при герулах. Теперь вот никак от них не отвяжешься. Придется славой делиться...

Коршунов похлопал его по плечу: мол, ничего страшного, разберемся. Собственно, он был даже рад. В задуманном им деле головорезы-герулы – очень кстати.

Алексей вкратце изложил идею.

Первая реплика последовала от Кумунда. Недовольная. Кумунд считал, что из-за какого-то там гепида куда-то переться на ночь глядя – идея неудачная. И никакой доблести в этом нет, одно беспокойство.

– Ну да, – покивал Коршунов, понятное дело. Днем-то, на глазах у вотана, многие готовы храбрость проявлять, а вот ночью... на такое дело не всякий пойдет. Вот он, Аласейя, готов пойти. И Скуба тоже. Но Кумунда он, Аласейя, тоже понимает. Ночью особая храбрость требуется...

Кумунд взвился. Никак Аласейя намекает, что он, Кумунд, – трусил? Да он, Кумунд, столько ночных подвигов совершил, что Аласейе...

– Заткнись, Кумунд, – негромко произнес Скулди. – Никто в твоей храбрости не усомнился. Дразнит тебя Аласейя. А что, Скуба, ты и впрямь согласен с Аласейей пойти?

Боран погладил русую бороду, усмехнулся:

– Да вот, есть такая мысль...

– Что он говорит? – спросил Ахвизра.

Скулди тоже усмехнулся, подмигнул Коршунову:

– Говорит: храбрость борана не уступит храбрости герула...

– Он забыл сказать, что она уступит только храбрости гревтунга! – заявил Ахвизра. – Агилмунд! Мы пойдем?

Это было скорее утверждение, чем вопрос.

Агилмунд с ответом не спешил. Коршунов понял: сейчас все зависит от того, что скажет его родич. А родич никогда не говорит не подумавши. И в отличие от Ахвизры «на слабо» его не возьмешь. Тем более сейчас, когда Агилмунд, правая рука Одохара, чувствует на себе ответственность не только за себя и своих дружинников, но за всех готов, принявших участие в походе.

Агилмунд думал, и никто ему не мешал.

– Одохару не понравится, – наконец сказал он.

Ахвизра фыркнул:

– Мы его не зовем!

– Он – рикс, – напомнил родич Коршунова. – И дело опасное. Такое дело только тебе, Аласейя, могло в голову прийти. Это оттого, что удачлив ты безмерно. Помнишь, как мы с тобой на квеманов ходили?

– Помню. А ты помнишь, что тогда именно Одохар вас со мной отправил? Хотя сам на квеманов идти не хотел...

– Да, это верно. Добро, Аласейя. Мы пойдем. И я еще кое-кого из своих возьму...

– Я тоже, – заявил Скулди. – Только немногих. На такое дело большим числом не ходят.

– Верно говоришь, – согласился Агилмунд. – Жди, Аласейя. Мы – скоро.

Глава восьмая

Спецоперация

Примерно через час спецгруппа в составе четырнадцати человек (шести герулов и восьми готов) была готова. В нее вошли пятеро (кроме Агилмунда и Ахвизры) дружинников, подначальных Агилмунду. И Сигисбарн, которого взяли для выполнения вполне конкретной функции – коней сторожить. Книву (несмотря на его горячее желание) в команду не приняли. Таким образом, вместе со Скубой и Коршуновым, получилось шестнадцать «коммандос».

Скулди прихватил с собой ворох тряпок: при приближении к расположению противника обмотать ноги коням. Скрытность и еще раз скрытность.

Преследовать сарматов, даже в условиях темноты, оказалось нетрудно. Несколько сотен всадников оставили замечательный след. И с расстоянием Скуба тоже не ошибся. Добрались меньше чем за три часа.

Пока Скулди и еще двое герулов «обували» коней, Агилмунд подъехал к Коршунову и поинтересовался, что думает «многоглазый талисман» по поводу благоприятного времени для атаки.

Алексей не сразу сообразил, что его родич имеет в виду. Тогда старший сын Фретилы напомнил: во время достопамятного грабежа квеманов Аласейя руководствовался именно пожеланиями «многоглазого» – и все получилось исключительно удачно. Речь, оказывается, шла о хронометре.

Коршунов поглядел на светящийся циферблат и изрек, что талисман возражений не имеет. Полтретьего ночи – хорошее время.

Последние несколько километров проехали с большой осторожностью: опасались вражеских разъездов. Но – обошлось. Ночь была удачная, безлунная.

Когда из темноты пришел отчетливый запах дыма (заходили, естественно, с подветренной), «коммандос» спешили и разделились на две группы. В авангарде – Скуба (специалист по местности), Агилмунд с Ахвизрой (специалисты по устранению «помех») и Коршунов (специалист по удаче). Алексей предпочел бы уступить эту честь Скулди, искренне полагая, что от герула в случае силовых действий проку будет больше, но спорить не стал. Скулди и Агилмунд буквально за полминуты обсудили порядок взаимодействия. Похоже, им не в первый раз приходилось действовать вместе. Затем авангард двинулся вперед.

Им повезло. Сарматы разбили свой лагерь вне поселка, на высоком берегу. И лошади их паслись здесь же, неподалеку, создавая необходимое количество шума. Дозорные, однако, были выставлены вне пределов лагеря и очень грамотно: в условиях полной темноты ни за что не разглядишь. Их и не разглядели – учуяли. В прямом смысле. Нюх у гревтунгов был натурально собачий. Учুяли и дали знак борану с Коршуновым: мол, ждите, сейчас разберемся. Что было дальше, Коршунов не видел. Увидел результат: двух связанных часовых (живых!) С заткнутыми ртами и частично разоблаченных.

Последовало краткое совещание: стоит ли оттащить пленных подальше и допросить? Решили: не стоит. Вдруг их тем временем хватятся?

Так что связанных отволокли шагов на двадцать и оставили. Затем Агилмунд предложил Скубе и Коршунову облачиться в сарматский прикид: «костяную» броню и островерхие шлемы. Трофейный доспех оказался Коршунову длинноват, а плотному борану – тесен. Но мысль была правильная.

Дальше двинулись так: Алексей и Скуба – открыто, во весь рост, Агилмунд и Ахвизра – скрытно, чуть ли не по-пластунски.

Лагерь сарматов выглядел куда более организованным, чем лагерь союзников. На взгляд Коршунова. А вот с охраной дело обстояло неважно. Чужаков никто не опознал.

Шатров в лагере было немного: большинство воинов спали на войлоке, прямо под открытым небом. Кое-где горели костры. Но около них сидели не дозорные, а те, кому не спалось. «Диверсантов» пару раз окликнули. Выручило то, что Скуба прилично знал язык и сумел отболтаться. Коршунов обратил внимание на то, что бодрствующие у костров выглядят мрачновато. А ведь вроде бы не с чего. Победить не победили, но и поражением сарматов результат сегодняшней битвы назвать нельзя. Впрочем, может быть, они по жизни такие смурные. Откуда Алексею знать? Да и не важно. Перед ним стоял вопрос посложнее: как найти черную кошку в темной комнате. При отсутствии уверенности, что она там есть. Ведь это его личное предположение, что сарматы захватили Красного в плен. С тем же успехом они могли прирезать вождя гепидов и выкинуть его в реку.

Скуба тронул Коршунова за руку: полог одного из шатров откинулся. Наружу вышел человек в накинутах на плечи халате. Золотое шитье сверкнуло в свете разожженного неподалеку от входа костра.

Человек неторопливо спустился вниз, к реке.

Коршунов и Скуба двинулись вслед за ним. Краем глаза Алексей уловил тень, скользнувшую между чахлых береговых ив. Ахвизра или Агилмунд?

Громкое журчание. Человек в богатом халате, подходя к самому краю берега, пустил мощную струю прямо в реку. Кусты слева, справа – лохматая ива. Внизу – узкая полоска песка, камыши, илистое дно.

Коршунов и Скуба встали между берегом и шатром, заслонив человека в халате от взглядов тех, кто сидел у костра.

Серая тень метнулась из камышей. Схваченный за ноги, человек потерял равновесие...

Коршунов шумно откашлялся...

И тут сдернутый вниз сармат заорал. Черт!

Коршунов бросился к берегу и увидел, что сармат, голый по пояс (свой роскошный халат он потерял), борется с кем-то... и еще одно тело темнеет на песке. Проклятие!

Не раздумывая, Коршунов прыгнул вниз и с резким выдохом вставил сармату кулаком в затылок. Тот обмяк.

– Беги, Аласейя! – гаркнул Агилмунд (это он боролся с сарматом), выдергивая из ножен меч. – Беги!

Наверху зашумел потревоженный человеческий муравейник.

Коршунов требование проигнорировал. Наклонился над лежащим, перевернул. Ахвизра! Физиономия липкая от крови, но дышит! Живой!

Алексей, крикнув, подхватил его на плечо. Теперь – в камыши и...

Не тут-то было!

На берег вывалило сразу человек двадцать с факелами.

Зазвенел металл. Вероятно, Агилмунд попытался прикрыть отход. Но неудачно. На узкой полоске сразу стало тесно. Коршунов, с пятипудовым Ахвизрой на загривке, даже и не пытался драться, когда пара копий уперлась ему в живот и еще одно – в спину. Меч Алексея выдернули из ножен. На песчаной полоске вокруг него и Агилмунда – не меньше двух десятков сарматов. Половина – полуголых, но это не важно. Наверху – еще с полсотни. Агилмунда прижали к береговому откосу. Сын Фретилы тоже не пытался сопротивляться. Ввиду явного численного превосходства противника.

Ахвизра застонал, дернулся. Коршунов положил его на песок.

Тот, кого они пытались захватить, уже стоял на ногах. Теперь Коршунов смог его разглядеть как следует. В физиономии сармата были явно выражены азиатские черты: скуластый, глаза узкие, нос приплюснут. Зато высоченный, повыше Агилмунда, и отлично сложенный. На груди сармата – вытатуированная пантера, на руках – еще какая-то хрень. Сармат скомандовал

что-то по-своему. На Коршунова и Агилмунда накинудись, завернули руки, скрутили запястья ремнями.

Сармат-командир подошел вплотную к Коршунову. Размахнулся неторопливо...

Алексей присел (кулак просвистел над ним), подсечкой свалил сармата с «пантерой» на песок, оттолкнул другого, метнулся в воду, споткнулся, запутавшись в камышах (очень вовремя – тяжелое копье прогудело над ним и с хлопом врезалось в жижу), выдрался, снова споткнулся (чертовы камыши!), еще одно копье воткнулось в полуметре (неплохой бросок, если учесть, что бросали на звук, – Коршунов был уже вне освещенного пространства), позади мощно, перекрывая прочий шум, взревел сармат-командир, позади Коршунова хрустело и хлопало – похоже, целая толпа ломилась за ним, ноги тонули в иле, но вода поднялась выше пояса. Чертовы камыши!..

Глава девятая

Пленники

Все-таки его взяли! Его и еще троих «диверсантов»: Агилмунда, Ахвизру и Скубу.

Взяли аккуратно. Ранен был только Ахвизра, но и его рана оказалась пустяковой. Не рана даже – сармат-командир кулаком приложил.

Крут оказался сармат. Еще бы! Главный ихний военачальник! Да еще благородных кровей, как выяснилось, родич самого главного рикса сарматов племени азыг. Знатный был бы пленник, если бы готам удалось его обратить. Но пока обратали самих готов. Впрочем, Скуба сообщил: дела их не так плохи. Сармат-командир (звали его – Ачкам) весьма одобрительно отнесся к дерзости гревтунгов. Особенно ему понравился Коршунов. Утром они непременно пообщаются. Еще Скуба выяснил, что красный, ради которого затевалась вся история, жив. Ачкам намерен подарить его своему родичу-риксу как отменный образчик дикаря. Сарматы всех считали дикарями. Даже римлян. Их предки владели этими степями, когда римлянами даже и не пахло. И всегда были отличными воинами. Иной раз, правда, их теснили пришельцы, но пришельцы приходили и уходили, а сарматы оставались. И потому полагали себя выше прочих. Это сообщил Коршунову Скуба и добавил, что, по его мнению, насчет римлян – это вранье,³ но вообще-то сарматы-азыги – мужчины серьезные.

В этом Коршунов и сам имел возможность убедиться во время вчерашнего боя.

Утром пленникам принесли поесть. Что-то типа молочной болтушки. Но на вопрос не повели. Ни утром, ни позже.

Ближе к полудню Скуба попытался прояснить ситуацию, переговорив с приставленными к пленникам сторожами.

Новости оказались так себе. Ачкам в большой печали. Дело в том, что его старшего сына укусила змея. Как раз когда тот вместе с прочими сарматами ловил в камышах Коршунова. Свой (сарматский) лекарь отсосал яд и прижег рану, но это слабо помогло. Ачкам велел привести аланского знахаря. Тот накормил укушенного какой-то дрянью, но тоже без большого успеха. Сейчас пострадавшего поят кумысом, но особых результатов от этого лечения не ждут. Ситуация неприятна еще и тем, что сарматы полагают змею посланцем богов. Следовательно, укушенный змеей сын очень серьезно бьет по рейтингу отца. В общем, у Ачкама есть основания для огорчения. Сейчас рассматривается вопрос: не стоит ли отправить к богам захваченных пленников?

Коршунова подобная перспектива не обрадовала, хотя Агилмунд и Ахвизра отнеслись к ней философски. Они полагали, что боги таких воинственных парней, как сарматы, сумеют оценить по достоинству посланцев-гревтунгов и обеспечат им неплохое посмертие. Коршунов не стал их переубеждать. Но предложил Скубе сообщить сарматам, что он, Аласейя, – тоже человек не простой. И может попробовать договориться с богами прямо тут, на земле.

Результат не заставил себя ждать. И четверти часа не прошло, как за Коршуновым и Скубой явился эскорт, доставивший их прямо к сарматскому лидеру.

Ачкам и впрямь был мрачен. И заявил напрямик: если Коршунов сумеет спасти его сына, то получит не только свободу, но и его, Ачкама, личную благодарность. Если же нет...

³ Тем не менее древность скифо-сарматских племен – исторически зафиксированный факт. Еще Геродот (пятый век до н. э.) писал о них. Возможно, и более древние (Гомер, Гесиод) авторы, упоминавшие киммерийцев, писали о предках скифов-сарматов описываемого в романе времени. Впрочем, время их истекает. Последние серьезные упоминания о сарматах относятся к концу четвертого века.

Если же нет, перебил его Коршунов, то все останутся при своих. Лично он, Аласейя, ничего не может гарантировать. Тем более он даже не видел больного.

Ну это-то как раз несложно исправить, последовал ответ.

И Коршунова отвели в шатер, где лежал укушенный.

Сын Ачкама оказался совсем молоденьким парнишкой, и дела его явно были плохи. Змея укусила беднягу пониже колена, но распухла уже вся нога, и общее состояние тоже было неважное. Вернее, совсем хреновое.

Коршунов в змеиных укусах разбирался слабо. То есть слышал, что надо сделать надрезы и отсосать яд вместе с кровью. Но сейчас эта процедура явно запоздала. Еще Коршунов слышал, что от змеиных укусов либо умирают быстро, либо не умирают вообще. Хотя болеют долго. Его школьный приятель рассказывал: его на Дону гадюка укусила. Хреново было очень, нога отнялась, а потом долго печенка болела. Но не помер. Может, и Ачкамов сын тоже сам выкарабкается? Хотя по его виду не скажешь. Парень, похоже, погибает...

– Я могу помочь! – решительно заявил Коршунов. – У меня есть волшебное средство. Но оно осталось в нашем лагере. Так что я должен съездить за ним. Причем не откладывая, потому что времени осталось немного.

– Думаешь, я так глуп, чтобы отпустить тебя? – усмехнулся сармат.

– Думаю, у тебя нет выбора! – отрезал Коршунов. – Если ты меня не отпустишь – твой сын умрет. Если ты меня отпустишь и я не вернусь, твой сын тоже умрет. Так что на одной чаше весов – моя жизнь, которая, безусловно, ценна для меня, но для тебя не имеет особой ценности, а на другой – жизнь твоего сына. И еще – жизни моих родичей, которые останутся в твоей власти. Решай, Ачкам!

Сармат пронзил его мрачным взглядом раскосых глаз. Но думал недолго.

– Я думаю, ты вернешься, – изрек он. – Мой сын совсем плох, поэтому я дам тебе двух запасных коней.

Можешь загнать всех трех, но ты должен успеть. Если мой сын умрет раньше... – Тяжелый взгляд сармата вновь пронзил Коршунова. – Если ты поспешишь, но мой сын все равно умрет раньше твоего возвращения... я тебя отпущу. Но – тебя одного. Твои люди отправятся к богам. Но раньше им отрубят большие пальцы на руках, чтобы там, наверху, они не могли сражаться. Ты вернешься?

– Да, – ответил Коршунов. – Я вернусь.

– Ты вернешься? – спросил его Скуба по-борански, переведя его ответ сармату.

– Да, – сказал Алексей. – И попытаюсь спасти парнишку. Надеюсь, что у меня получится. Могу я верить обещаниям сармата?

– Можешь, – уверенно ответил Скуба. – Ачкам – благородный человек. Кроме того, он ничего не сказал о том, что будет с тобой, если ты, вернувшись, застанешь мальчишку живым и не сумеешь спасти.

– Да, я это заметил, – подтвердил Коршунов. – Но я все равно вернусь, можешь не сомневаться.

– Коли так, я буду на твоей стороне, когда ты станешь договариваться с крикшей о кораблях, – сказал боран. – Потому что если мы останемся в живых, то лишь благодаря твоей удаче, Аласейя – небесный герой.

Глава десятая «Я знаю, что говорю!»

Меня коней да по светлому дню Коршунов добрался до бивака «союзников» через час пятнадцать по собственному хронометру. Хронометр ему вернули, поскольку Алексей заявил, что это волшебная вещь, крайне необходимая для поиска нужного лекарства. А вот оружие Ачкам не отдал. Сказал: легче коням скакать. Хотя этим коням лишний десяток килограммов – что слону дробина. Один – вообще иноходец. Скачешь – как лодке плывешь. Красота! Нет, не стал бы Коршунов таких скакунов загонять. Купить их у сармата, что ли?

«Может, коли все сладится, так и куплю, – подумал Алексей. – Я – человек не бедный».

Мысль о том, что будет, если «не сладится», он отбрасывал как невозможную. До сих пор ему везло. Почему бы и дальше не повезти? Тем более день такой хороший, теплый. А травами как пахнет...

Первыми Коршунова заметили дозорные. Трудно не заметить всадника в степи. Так что в лагерь Алексей въезжал уже в сопровождении «свиты». Судя по всему, трогаться с места соединенное войско не собиралось. Фургоны по-прежнему стояли «крепостью».

Появление Коршунова вызвало всеобщий интерес, но этот интерес остался неудовлетворенным. Отвечая на все вопросы универсальным жестом «без комментариев», Алексей пробился к собственному фургону, где обнаружил заплаканную Настю и совершенно потерянного Книву.

– Живы, все живы, – бросил он парню. – И будут живы, если я потороплюсь. – Обнял Настю, прошептал: «Ну довольно, довольно, все будет хорошо! Попить дай чего-нибудь...» – снаряжавшие его в путь сарматы снабдить его водой не позаботились. Возможно, считали: раз поблизости река, то Алексей найдет где утолить жажду. Ясное дело, дикари. Никакого понятия о дизентерии и прочих «палочках». Хотя, надо признать, все случаи поноса у местных жителей, зафиксированные Коршуновым, были связаны не с микробами, а с обжорством.

Нырнув в фургон, Алексей не без труда отыскал среди прочего барахла аптечку. Сыворотка нашлась. И инструкция к применению – тоже. Правда, предполагалось, что препарат будет использован немедленно. Ничего, вкупе с прочими жизнеукрепляющими всосется, рассудил не слишком искушенный в медицине Коршунов и сложил все в сумку. Подумал немного, запахнул туда же пистолет и вылез на свежий воздух...

Опаньки!

Снаружи его уже ждало весьма представительное общество.

Одохар. Комозик. Травстила. Скулди. Двое старших после Красного гепидов. Целая толпа младших командиров разношерстого войска – во втором «ярусе». Все остальные участники похода – в «ярусах» третьем, четвертом, ...надцатом.

– Ты вернулся, Аласейя, – констатировал факт Одохар. – А где Агилмунд? Ахвизра?

– Они живы, – ответил Коршунов. – Они в плену у сарматов.

– А ты ушел?

– Меня отпустили.

– Почему?

– Сына их рикса укусила змея. Я обещал ему помочь. Меня отпустили за лекарством. – Коршунов похлопал себя по сумке.

– Ты верно сможешь помочь? – прогудел Травстила, опередив и Комозика, и Одохара.

– Надеюсь. Но я должен поспешить. – Коршунов шагнул к сарматскому коню.

– Стой! – рявкнул Комозик. – Ты поедешь только тогда, когда я разрешу! Если я разрешу!

«Как ты меня достал!» – подумал Алексей, отпустил луку, повернулся.

– Я не понял, – сухо произнес он, – почему ты, герул, решаешь, когда и куда мне ехать?

– Потому, – рыкнул Комозик, – что этой ночью о *моих* герулах было сказано, что они *сбежали, бросив гревтунгов!*

Однако! Это уже попахивало междоусобицей. Коршунов глянул на Одохара... Лицо готского рикса было спокойно, но пальцы лежали на рукояти меча, и взгляд, который он бросил на союзника, не сулил ничего доброго... так же, как и взгляд Скулди, стоящего слева от Одохара, – тоже с ладонью на эфесе...

Похоже, пока Коршунов с остальными «отдыхал» у сарматов, здесь, в лагере, дела обобщивались не лучшим образом. Понятно, почему войско так и не тронулось с места...

«Скверно! – подумал Алексей. – Очень скверно!»

Его беспокойство о друзьях, оказавшихся в плену сарматов, на время отступило на второй план. Раскол – это серьезно. Если даже герулы просто, без резни, отправятся восвояси, это тоже будет весьма огорчительно. Считай, трети армии нет. А если прочие союзники разбегутся – а они разбегутся наверняка, – о Риме можно забыть.

Коршунов набрал в грудь побольше воздуха:

– Слушай меня, рикс Комозик! Я, Аласейя, этой ночью ходил к сарматам, чтобы отбить у них Красного! Я дрался с ними, но они оказались сильнее, и они взяли нас. Но только четверых. И я говорю сейчас: *твои герулы и мои гревтунги отступили по необходимости!* Они правильно отступили! – жестко произнес Коршунов. – Они не могли нам помочь. Они могли только умереть! Без пользы!

Огромная толпа вокруг замерла, ловя каждое слово Коршунова. И он почувствовал, как у него в груди рождается что-то... волна ликования, рвущаяся наружу, подобно боевому кличу...

Но Коршунов справился. И помог ему Комозик, которого ораторствование Алексея ничуть не зацепило. Плевать было риксу герулов на всю эту патетику. Он просто ждал, когда Коршунов выговорится, чтобы перехватить инициативу и навязать Алексею собственную волю. Или убить. Крутой мужик, который знает только свою волю, свое «я хочу!».

Чем-то он напомнил Алексею бойца-тяжеловеса, который равнодушно игнорирует удары более легкого противника, знающего на опыте, что непременно решит дело нокаутом.

«Ладно, – подумал Коршунов. – На твоей самоуверенности мы и сыграем».

Он не видел тысячной толпы вокруг – только тех, кто стоял в первых рядах. Но он слышал ее *дыхание*. Чувствовал ее силу. Если большая часть этих воинов будет на стороне Коршунова, если он сумеет связать себя с ними, то Комозику просто не позволят разделаться с Алексеем!

– Слушай меня, рикс Комозик! – звонко и четко произнес Коршунов, обращаясь, разумеется, не к Комозику, а к толпе. – Я никогда не назову трусом воина, который отступил, вместо того чтобы умереть бессмысленно и бесславно! И я не знаю никого, кто назвал бы твоего Скулди трусом!

Он сделал паузу, оглядел тех, кто стоял перед ним: ну, никто не желает возразить? Никто, естественно, возражать не стал. В том числе и Комозик, которому было бы уж совсем глупо оспаривать данное утверждение.

– Я знаю, что говорю, рикс! Я знаю, что говорю и что делаю! Я знаю, что делаю. И если *мой рикс* Одохар не препятствует мне, то не тебе, рикс герулов, стоять у меня на дороге!

– А не то – что будет? – недобро усмехнулся Комозик. Он наконец дождался своей реплики и явно шел на конфликт, зная наверняка, чем закончится его поединок с Алексеем.

– А не то я тебя убью, – негромко, но внятно произнес Коршунов. – Я тебя убью, потому что сейчас, – тут он повысил голос, – на чаше весов – жизнь моего родича Агилмунда! Жизни моих друзей Ахвизры, Скубы и Красного! И моя клятва!

Коршунов шагнул вперед (правая рука в сумке нащупала рукоять пистолета), поглядел на Комозика снизу вверх и произнес совсем тихо, так, что в общем гуле его услышали только Комозик и, может быть, Одохар с Травстилой, которые стояли с ним рядом:

– И не думай, что я стану драться с тобой на мечях, рикс герулов. Я тебя просто убью. Я тебя, мудака, просто пристрелю! – добавил он по-русски, благо никто из боранов не мог его услышать. – Вышибу мозги на хрен!

Комозик, разумеется, не был трусом. И, разумеется, он знал, что Коршунов – не бог весть какой фехтовальщик. А он, рикс герулов, признанный поединщик. Настолько признанный, что за последние несколько лет лишь один воин осмелился бросить ему вызов. Вынужден был бросить ему вызов. Воином этим был «мирный» вождь герулов, тоже боец изрядный. Вернее, был изрядным бойцом, пока Комозик его не прикончил. То есть у рикса герулов не было совершенно никаких причин опасаться поединка с Коршуновым. Но вероятно, услышал Комозик в голосе Алексея что-то такое или в глазах прочитал... Все-таки Комозик был рикс, следовательно, обладал и интуицией, и умением разбираться в людях. Возможно, он вспомнил, что Аласейя-Небесный Герой в гнев мечет пламя... или сообразил, что своими словами Коршунов связал свою жизнь с четырьмя другими, и убей сейчас Комозик Алексея, на него тотчас обрушится совокупный гнев гепидов и готов. (Боранов, в связи с их малочисленностью, можно пока в расчет не принимать. Пока...) А возможно, вспомнил, что Аласейя – не сам по себе, а дружинник Одохара, а Одохар вряд ли спокойно отнесется к убийству своего дружинника. В общем, заколебался рикс герулов... но ему очень не хотелось «потерять лицо»...

Помог Травстила.

– Клятва священна! – прогудел кузнец, перекрыв прочие голоса. – И родство священо! Так повелели боги! Дайте ему дорогу!

И, слегка отодвинув в сторону вождя герулов, подошел к Коршунову, подставил сцепленные руки для опоры:

– Езжай, Аласейя! – И, вполголоса: – Надеюсь, ты сумеешь вернуться...

– Конечно я вернусь! – Коршунов оттолкнулся от ладоней кузнеца и взлетел в седло «запасного» коня. – Я вернусь! (Ласковая улыбка – Анастасии, уверенная – Одохару.) И я вернусь не один! – Коршунов ударил каблуками сарматского жеребца, послав его прямо в толпу. – Дорогу!

И толпа раздалась, пропуская «исполнителя воли богов».

Теперь Коршунов видел их всех: тысячи обращенных к нему лиц, молодых и постарше, бородастых и безбородых, раскрашенных, татуированных, суровых, ожидающих...

Ему показалось: позови он их за собой – пойдут не задумавшись. Но – не сейчас. Сейчас он поедет один. Но когда вернется...

– А на коне он сидит все равно как пес на борове, – проворчал Кумунд, обидевшийся за своего рикса. – Эх! Мне бы такого коня! Да я бы на таком коне... А этот Аласейя...

– Этот Аласейя, Кумунд, метит прямо в риксы! – перебил друга Скулди. – И станет риксом, если его не убьют. И тогда мы с тобой, друг, хлебнем из чаши его удачи! А кони сарматские хороши, – добавил он после паузы. – Тут ты прав. Чудо, а не кони!

Глава одиннадцатая, в которой Алексей Коршунов вместо дружбы получает княжеский подарок

В шатер заглянул сармат-охранник: плоское, выдубленное солнцем лицо, жидкая борода на крепкой челюсти:

– Ачкам! Аланский знахарь пришел. Что сказать?

– Пусть уходит, – бросил вождь сарматов. – Не надобен.

Разумеется, Коршунов его не понял. По тону догадался. Впрочем, ему было не до местных знахарей. Он уже вогнал в бедро несчастного парнишки четыре кубика разных «космических снадобий» и думал, что бы еще такое заправить. Оно конечно, в медицине Коршунов – не профи. Но ведь есть инструкция...

Ачкам наблюдал за действиями новоявленного лекаря с большим интересом. Особо заинтересовался иголками. Ну да, одноразовые шприцы в сарматском обиходе отсутствовали.

– Это – сжечь! – строго произнес Коршунов. – В них – болезнь!

Скуба перевел, и Ачкам, не без сожаления, отложил шприцы.

Коршунов уселся по-турецки на войлок около больного. Прикрыл глаза. Устал, однако. Беспокойная у него жизнь в последнее время... сейчас бы выбраться на бережок этой речки, где песочек помягче да камышей поменьше, выкупаться... вместе с Настенькой... Хрена лысого тут можно спокойно выкупаться! Только расслабишься, глядь, а вокруг уже толпятся такие вот... любители острого. Есть такое острое восточное блюдо – ножом по горлу.

«Домой хочу, – подумал он с тоской. – К дивану и телевизору!»

Но тут вспомнилось вдруг, как ехал он сегодня между воинами, и чаще забилося сердце. Да, *там*, в прошлом-будущем, с ним такого никогда не случилось бы. Никогда...

Он открыл глаза и обнаружил, что «космические снадобья» сделали свое дело. Больному явно полегчало: задышал ровнее, вроде бы даже жар спадать начал.

Ачкам поднялся. Неторопливо приблизился к сыну, потрогал щеку, наклонившись, понюхал распухшее бедро. Выпрямился, крикнул что-то тем, кто снаружи.

Коршунов вопросительно поглядел на Скубу – тот пожал плечами: не понял.

Прошло еще около часа. В молчании. Состояние укушенного парнишки улучшалось на глазах. Наконец он пришел в себя. Открыл глаза, пробормотал:

– Атей...⁴

Ачкам подошел к нему, произнес негромко что-то успокаивающее, погладил по щеке.

Отогнув полог шатра, бросил что-то вроде: кью-ут.

Через минуту появился сармат с кувшином, двумя чашами и подносом, на котором лежала коричневая горка чего-то, напоминавшего муку.

Ачкам собственноручно рассыпал «муку» по чашам, залил белой жидкостью из кувшина, вероятно молоком, размешал пальцем.

– Ты – настоящий человек, – перевел Скуба. – Назови свое имя.

– Аласейя, – ответил Алексей. Готский вариант имени показался ему здесь более уместным.

– Ты спас моего сына, Аласейя, – торжественно произнес сарматский вождь. – Прими мою благодарность! – и протянул одну чашу Коршунову.

⁴ Отец...

Отказаться было нельзя. Алексей принял чашу, приложился. Нет, это было не молоко. Что-то кисловатое, слабоалкогольное. А «порошок», как выяснилось впоследствии, был именно мукой. Только смолотой не из обычных зерен, а из зерен, предварительно обжаренных в оливковом масле. Вкус у «супчика» был специфический.

– Проси, что хочешь получить, – перевел Скуба. – Тебе не будет отказа.

– Две вещи, – сказал Коршунов. – Этого достаточно. Первая – свобода моих друзей. Вторая – твоя дружба.

Ачкам покачал головой.

– Твои друзья получают свободу, – последовал ответ. – Но в дружбе я тебе откажу. Потому что завтра ты и я встретимся в битве.

Теперь уже Коршунов покачал головой.

– Битвы не будет, – сказал он. – Я не хочу воевать с тобой. Я хочу воевать с Римом. Присоединяйся!

– Ты храбр, – произнес ачкам. – Но воевать с Римом – нелегко. Лучше бы тебе воевать не против Рима, а *за Рим* я это знаю, потому что воевал за Рим. Рим платит золотом тем, кто доказал свою доблесть. Даже, – губы сармата презрительно искривились, – аланам.

– Понимаю, – кивнул Коршунов. – Но как лучше доказать свою доблесть, если не в битве?

– Ты понимаешь, – признал вождь сарматов. – Было не слишком умно нападать на меня в моем лагере. Но, похоже, ты умен, Аласейя. Может быть, когда-нибудь я стану твоим другом. Когда ты докажешь, что достоин быть другом того, в ком кровь самого Тангри, я вспомню твою просьбу. А сейчас я подарю тебе коней, которые несли тебя, когда ты нес жизнь моему сыну. И еще я дарю тебе мое слово: первым я не подниму своего копья против тебя, Аласейя, – перевел Скуба речь сармата. – Вот мои дары, спаситель моего сына. Принимаешь ли ты их?

– Принимаю и благодарю! – торжественно произнес Коршунов.

Они опрокинули еще по чашке болтушки, и союз был закреплен.

Вождь сарматов Ачкам наблюдал, как Коршунов прикрепляет к седлу подаренного коня кожаные ремни с петлями – импровизированные стремяна. Затем подал реплику.

– Петли надо укреплять конским волосом, – перевел Скуба. – Тогда кольца не будут сминаться. Легче вдевать ногу.

Коршунов воззрился на сармата с нескрываемым удивлением:

– Тебе знакомы эти... приспособления?

Ачкам кивнул.

– Но тогда... почему вы их не используете?

– Используем, – последовал ответ. – Когда человек становится стар, ему трудно взбираться на лошадь и удерживаться на ней.

– А в бою?

Ачкам шевельнул широкими плечами:

– Слабые в бой не пойдут, а сильным они – помеха. Ты – храбрый воин, Аласейя. Но наездник очень плохой. Как все твои соплеменники. (Слышал бы его Ахвизра!) Только мы, сарматы, настоящие всадники. Только мы можем биться настоящим оружием.

Под настоящим оружием подразумевались неимоверной длины копья, с которыми сарматы и впрямь управлялись столь же ловко, как швея – с иголкой. В этом Коршунов убедился на практике.

– Хотя там, на восходе, – Ачкам махнул в сторону востока, – тоже есть неплохие всадники. Я сражался с ними, когда служил Риму. Неплохие, но до нас им далеко.

– А аланы?

Пренебрежительная усмешка тронула губы Ачкама. Но он не ответил. Вместо этого предложил:

– Давай посмотрим на твоего друга. Того, который осмелился напасть на воина-сармата. Хочу узнать: не повредился ли он умом?

Коршунов обеспокоился. Неужели удар по голове так сказался на Ахвизре?

– Поехали! – сказал он, влезая на коня. Алексей уже знал, что пешком сармат ходит только отлить. И то не всегда. – Поехали! – И не без зависти пронаблюдал, как садится на лошадь Ачкама: рука – на переднюю луку, толчок – и воин уже в седле. Впрочем, когда сармат садился на лошадь в полном вооружении, это смотрелось еще эффектнее. Особенно если знать, сколько весит «костяной» доспех.

Нет, речь шла не об Ахвизре. Как оказалось, Ачкама имел в виду совсем другого отморозка. Красного.

М-да, видок у вождя гепидов был еще тот. Практически голый – от штанов остались одни лохмотья, а другой одежды не было, неимоверно грязный, со спутанными волосами, покрытый коркой запекшейся крови... но отнюдь не сломленный, судя по толщине цепи, которой Красный был прикован к вбитому в землю бревну изрядной толщины.

При появлении Ачкама гепид зарычал и рванулся вперед. Коршунова и Скубу он как будто не заметил. Цепь натянулась, сармат, приставленный охранять пленника, ударил Красного в живот тупым концом пики.

– Не трогать! – рявкнул Коршунов. – Он – мой!

Сармат-охранник, кривоногий, квадратный, с глазами-щелками, Алексея, разумеется, не понял, но прежде, чем ударить еще раз, посмотрел на Ачкама. Тот сделал знак: отойди; окинул пленника скептическим взглядом, повернулся к Коршунову.

– Он твой, – перевел Скуба. – Но будь осторожен. Он бросается на всех. Ремни обгрыз и порвал, силен, как медведь. Пришлось на цепь посадить. Как медведя.

Коршунов спешил. Приблизился, но так, чтобы оставаться вне досягаемости гепида. У Красного и раньше с «крышей» были проблемы. А теперь, похоже, «планка» совсем упала. Натуральный *вутья*, как говорят Коршуновские родичи-готы. Глядел на Алексея, не узнавая, нехорошо так глядел...

– Спроси, кормили ли они его? – обратился Коршунов к Скубе.

Нет, последовал ответ. Не кормили. Чтобы ослабел и стал покладистее. Только воду давали. Вчера.

«Садисты», – подумал Коршунов. Хотя нет, он не прав. Просто практичный подход.

– Прикажи принести воды. Ведро.

Воду принесли. Зачерпнув прямо из реки, разумеется.

Коршунов осторожно приблизился, протянул кожаное ведро...

Красный учуял воду, в глазах мелькнуло подобие мысли.

– Возьми, – сказал Алексей. – Пей.

Гепид пил долго, шумно и много. Остатки выплеснул на голову – грязные потоки потекли по широкой груди. Ни лицо, ни грудь от этого чище не стали. Чтобы отмыть гепида, не ведро требовалось – цистерна.

– Я – Аласей, – медленно и четко произнес Коршунов по-готски. – Я пришел за тобой, Красный. Ты узнаешь меня?

– Да, – хрипло проговорил гепид. – Узнаю.

– Сейчас тебя освободят, и мы уедем. Ты понял меня?

– Да... – Красный покосился на Ачкама.

– Тебя освободят, но если ты нападешь на кого-нибудь, снова окажешься на цепи, – предупредил Коршунов. – Ты понимаешь?

Красный мотнул спутанной гривой:

– Ты меня выкупил?

– Да, можно так сказать.

- Тогда скажи, пусть пожрать принесут, – потребовал Красный, усаживаясь на землю.
- Скажи Ачкаму, – обратился Алексей к Скубе, – что он хочет есть.
- Его накормят, – последовал ответ. – Он успокоился, да?
- Думаю, да, – подтвердил Коршунов. – Но мне бы не хотелось, чтобы кто-то его... раздражал. Он – немного бешеный.
- Дразнить его не будут, – пообещал Ачкам. – Но он и твои друзья должны уехать немедленно. Моим воинам они не нравятся. Но ты, целитель моего сына, можешь остаться.
- Я уеду с ними, – сказал Коршунов. – Но если ты позволишь, завтра я вернусь. Посмотрю, как твой парень себя чувствует.
- Ачкам кивнул:
- В моем шатре для тебя всегда найдутся войлок и чашка кьюута. Приезжай.

Глава двенадцатая

«Не будем мы с ними драться»

– А я говорю: мы не будем с ними драться! – заявил Коршунов. – Не вижу смысла. Крови прольется много, а добычи – никакой.

– А поселение? – вякнул кто-то из младших вождей, тоже гот, но не гревтунг, а другого племени. Звали вождя... кажется, Беремодом? Коршунов так и не научился их толком различать: все здоровые, бородатые, увешанные побрякушками. И имена одинаковые: Беремод, Берегед... хрен запомнишь.

– А что поселение? Который день мы тут стоим? Тамошние аланы уже все повывезли да попрятали.

– Да там и не было ничего, – вмешался Скуба. – Бывал я там. Когда ярмарка, тогда товаров много. Но все – привозные.

– Из-за такой мелочи с сарматами драться не резон, – рассудительно произнес Агилмунд. – Прав Аласейя: даже и побьем, что толку? Гривны с шей поснимаем да шлемы с голов? Даже доспех ихний не взять или копьа – ими только сами сарматы драться могут.

– А лошади? – подал голос тот же младший вождь. – Вона Аласейю какими славными конями одарили!

Сарматские кони и впрямь были знатные. Готские лошадки рядом с ними, как какой-нибудь кулан – рядом с призером стипль-чеза.

– Так то Аласейю конями одарили, – усмехнулся Агилмунд. – А тебя, Беремод, не конем – копьем в брюхо обрадуют.

Все задумались. Копьем в брюхо – никому не хотелось. Стало слышно, как шагах в сорока от фургонов, между которыми проходило почтенное собрание, гепиды разделявают добытых утром степных быков. Вечером намечался пир по случаю благополучного возвращения их доблестного вождя.

Затем раздался сердитый окрик Сигисбарна, шуганувшего любопытного воина, вознамерившегося узнать, о чем совещается начальство.

Коршунов, разместившийся вместе с Агилмундом на платформе собственного фургона, оглядел «высокое общество». Всего здесь собралось человек тридцать, хотя реальными фигурами были только пятеро: Одохар, Комозик, Травстила, выполнявший по совместительству обязанности жреца, Красный и, конечно, он сам, Аласейя. Некоторым авторитетом обладали также Скулди с Агилмундом и Скуба. Остальные – так, мелкие вожди. Хотя не стоит забывать, что за этими «мелкими» в совокупности почти тысяча копий.

– Значит – что? – прервал молчание Комозик. – Спустим сарматам обиду? Аласейя драться не хочет. Понимаю. Он получил от сарматов дар. Может, и еще получит...

– Не то говоришь, рикс! – вступился за родича Агилмунд. – Знаешь ведь, за что Аласейя дар получил! Ссоры ищешь?

– Не дело это нам – ссориться! – прогудел Травстила. И посмотрел на Одохара: мол, ты что молчишь?

Но Одохар от реплики воздержался.

«Хитер, – подумал Коршунов. – В верховные вожди целит. Грамотно».

Действительно грамотно. Формально Алексей – человек Одохара. Если рикс Комозик на равных соперничает с Коршуновым, а Одохар выступит в роли арбитра, значит, Комозик – ниже Одохара.

В принципе, верховное лидерство Одохара Коршунова устраивало. Одохар – правильный мужик. И опытный. Но это – в принципе.

– И какие же обиды причинили тебе сарматы, рикс герулов? – осведомился Коршунов. – Что битва у нас была, так это не обида. Верно я говорю?

Собрание ответило одобрительным ворчанием: ясное дело, битва – не обида. Битва – нормальное развлечение храбрых воинов.

– Или, может, твоя обида в том, что пленных сарматы отпустили без выкупа? – поинтересовался Коршунов. – Может, хотелось тебе, чтобы мы в плену сарматском томились? Или чтобы в битве захваченный рикс гепидов отважных не с нами сейчас сидел, а у сарматов на цепи? Тогда скажи, рикс, почему тебе этого хочется? Мне интересно об этом узнать. И всем интересно. Особенно – нашему другу, риксу гепидов. Скажи, Красный, интересно тебе узнать, почему рикс Комозик желал бы тебя на цепи видеть, а не на свободе?

– Еще как интересно! – прорычал простодушный гепид, с недавнего времени полностью доверявший Коршунову и принимавший все им сказанное как абсолютную истину. – Еще как интересно! – И одарил Комозика недружелюбным взглядом.

– Много говоришь, Аласейя, – буркнул рикс герулов. – Много и по-пустому. Не то мне обидно, что отпустили Красного, а то, что равного нам рикса на цепи держали, словно медведя.

– Ну уж тебя-то, рикс герулов, на цепи держать бы не стали! – усмехнулся Коршунов. – Это для Красного, даже и безоружного, железную цепь сыскать пришлось. Тебе, Комозик, и обычной веревки хватило бы!

Терпение рикса герулов иссякло. Он уже начал приподниматься, набирая в грудь воздуха...

Но тут вмешался наконец Одохар.

– Не прав ты, Комозик, – веско произнес он. – Красному ты не родич. Даже и обидели бы его – не тебе за его обиды искать. И на Аласейю моего не кричи. Хочешь доблесть свою показать, ярость священную излить – с сарматами схватиться? Никто тебе не препятствует. Доблесть явить – дело славное. Вон и Скулди твой тоже доблесть готов проявить. Верно, Скулди?

Скулди угрюмо молчал...

Комозик, впрочем, не обратил на это внимания.

– А что ты предлагаешь, Одохар? По домам бесславно разойтись?

– Я предлагаю послушать, что Аласейя скажет, – ответил хитрый гот. – Ведь не только за то ценим мы Аласейю, что он – небесный герой и обилен удачей. Еще и за то мы его ценим, что мудр он и слова его всегда делом оборачиваются. Говори же, Аласейя, – произнес он повелительно. – Мы ждем!

«Хрен с тобой, – подумал Коршунов. – Хочешь быть главным – будь. Главное – мне не мешай».

– Я хочу только одного, – заявил Алексей. – Чтобы наш поход великой славой увенчался и чтобы от груза добычи трещали оси наших телег. Не боюсь я сарматов. Но вижу в этом волю богов. Знак, что не на аланах надо славу и добычу искать. Это как когда боги посылают ненастье и ливни, от которых земля в болото обращается и вязнут в грязи колеса даже пустых повозок. Мудрый поймет знак и повернет на правильную дорогу. Глупый скажет – не хочу отступать. И пойдет дорогой неправильной. Сарматы – не враги нам. Они – знак. Я вижу его! – Коршунов прыгнул на землю, выбросил вверх руку. – Я вижу: много неправильных путей. И только один правильный! Только один! – Он сделал патетическую паузу. – Только один правильный путь – на Рим!

– На Рим! – взревел Красный.

– На Рим! – эхом откликнулись младшие вожди.

– Что-то я проголодался, – проворчал Комозик, когда отшумело эхо. – Раз твой Аласейя уже высказался, не пришло ли время пообедать, рикс Одохар? – поднялся и степенно зашагал прочь.

Скулди отправился за ним, но перед этим глянул на Коршунова и чуть заметно кивнул: мол, я на твоей стороне, парень.

Что ж, и на том спасибо.

– Он и впрямь видел знак? – спросил у Травстилы рикс Одохар. – Как думаешь?

– Не знаю, – ответил кузнец. – Но скажу так: сначала боги знак избранным своим подают, а уж потом – всем остальным. Так что потерпи, рикс, – и все узнаем. Коли будет и нам знак, значит, особо люби м богами наш Аласейя.

– Что он богами любим, это я и так знаю, – буркнул Одохар. – Вот только хватит ли этой любви и на нас с тобой, если мы на ромлян пойдем?

– Я знала, что ты вернешься... – шептала Анастасия, перебирая пальчиками отросшие волосы Коршунова. – Я молила Господа, чтобы он хранил тебя, Алеша, и он меня услышал, не оставил тебя в беде.

– Ах, черноглазая! – шершавая ладонь скользнула по узкой гладкой спине вниз. – Как же я мог не вернуться, если ты меня ждала! Неужели я оставил бы тебя одну в этой дикой степи?

– Алеша... – Женщина уткнулась лицом в его мягкую бороду. – У меня никого нет, кроме тебя. Никого в целом свете. Зачем тебе воевать? Я говорила со Скубой. Если ты попросишь, он проводит тебя в феодосию. Ты богат. До осенних штормов еще есть время. Мы уплывем оттуда в Фасис или в Трапезунд. Там много наших. Мы всегда найдем себе кров и пищу. Ты можешь торговать или поступить на службу. В колонии грамотный человек найдет себе дело. Давай уедем от этой войны...

– Милая моя Настенька, – прошептал Коршунов. – Что ты говоришь? Ты же умная девочка. Неужели ты думаешь, что Одохар меня отпустит? Что мои родичи позволят мне просто так все бросить и уехать?

– Родичей ты можешь взять с собой, Алеша. Они – хорошие воины, особенно Агилмунд. Таких любой префект охотно возьмет в городскую стражу...

– Настенька, солнышко, ты – умная женщина, а говоришь глупости. Ты можешь представить себе Агилмунда, служащего в городской страже?

– Я видела многих вегилов-варваров. Им хорошо платят. Ты только пожелай, Алеша, – и мы уедем. Я верю в тебя... – Мягкие губы коснулись Алексева уха. – Если ты захочешь, ты сможешь. Уедем от этой войны!

Коршунов осторожно отодвинул ее от себя. В темноте он с трудом мог различить ее лицо, только блеск глаз...

– Я тебя люблю, Настенька, – сказал он очень серьезно. – Но я не сделаю этого. Поверь мне, сердце мое, я очень хочу, чтобы ты была счастлива. Чтобы мы были счастливы. Но приближается такое время, когда невозможно убежать от войны. Поверь мне, любимая, это так. Я знаю это. Если мы уедем, война все равно придет к нам. И один я не смогу защитить ни тебя, ни себя. И еще... ты знаешь, у меня есть друг, которого захватили квемены...

– Знаю, Гееннах...

– Геннадий, – поправил Алексей.

– Геннадий, – повторила Анастасия. – Какая разница? Сколько времени прошло с тех пор, как его захватили квемены? Неужели ты думаешь, он еще жив?

– Ты его не знаешь. – Коршунов улыбнулся. – Он выживет. Он это умеет. Тем более здесь редко убивают пленных. Особенно если они достаточно сильны. Но не думаю, что моему другу нравится работать на победителей. Поэтому, когда мы совершим свой поход, мы вернемся домой и вытащим его оттуда. Генка тебе понравится!

Анастасия тихонько вздохнула:

– Ну да. Он – твой друг. Ты спи, Алексей. У тебя был очень тяжелый день.

– И ночь. Без тебя.

– Да. Спи. Никто не знает, что принесет нам завтрашний день...

Завтрашний день принес. Аланов.

Глава тринадцатая, в которой выясняется, кто кому должен

Панцирь Ачкама представлял из себя кожаную куртку с нашитыми на нее костяными бляхами. Но то были не срезы конских копыт, как полагал ранее Коршунов. Приглядевшись, он сообразил, что «бляхи» – плоские части черепаховых панцирей. Небольшие, размером с ладонь.

– Он хочет, чтобы я наказал вас за вторжение, – перевел Скуба слова вождя сарматов. – Он говорит, что за это нам заплатили.

Лидер аланов торжественно кивнул. Он привел с собой две тысячи конников. И держался весьма надменно. Потребовал, чтобы вторгшиеся на земли аланов отдали ему все свое оружие и всех лошадей.

Ну да, счас! Разбежались! Готы, конечно, народ простодушный, но ведь не идиоты же.

– Хочешь наше оружие? – сказал алану Одохар. – Возьми. Если сумеешь.

Хотя расклад был – не в их пользу. Вкупе с сарматами аланская конница существенно сильнее союзников.

Но аланский лидер оказался еще хитрее. Потребовал от Ачкама, чтобы тот самостоятельно атаковал противника. Ну а если хваленая сарматская кавалерия не справится, тогда уж и аланы присоединятся.

Первый этап переговоров проходил вблизи лагеря готов. И участвовали в них со стороны союзников риксы Одохар, Комозик и Красный. Коршунова не пригласили. Переговоры окончились ничем. Но положение у союзников было неважное. Уйти в степи от конницы невозможно. Даже сниматься с места нежелательно. Сейчас союзников с одной стороны защищала река (соответственно, и с водой проблем не было), с другой – прибрежная рошица. Реденькая, но достаточная, чтобы остановить разбег кавалерии. В походном варианте, даже под прикрытием фургонов, союзники куда уязвимее. Уйти нельзя, результат будущего сражения предreshен. Грустная ситуация. Правда, и аланы не очень хотели бросаться в бой. Знали, что победа обойдется им весьма дорого. Поэтому в мозгу их лидера и родился замечательный план подставить сарматов.

На этот раз на переговоры пригласили одного Коршунова. По личному требованию Ачкама. Даже Одохару это не понравилось, не говоря уже о Комозике. Но пришлось им потерпеть.

На переговоры Коршунов взял с собой Скубу. В качестве толмача. Теперь они сидели вчетвером в шатре Ачкама. Лидер аланов, Ачкам и Коршунов со Скубой. Сквозь стенки шатра было слышно, как сарматы Ачкама болтают с телохранителями аланского вождя.

– Он хочет, чтобы твои воины умирали вместо его аланов, – сказал Коршунов. – Он прав. Разве не за это аланы вам платят?

Скуба перевел. Довольный алан опять кивнул с важностью и одобрительно посмотрел на Коршунова.

– Да, – согласился Ачкам. – Они платят мне, чтобы мои воины сражались вместо них.

– Скажи, Ачкам, плата за эту службу вами уже получена?

– Половина.

– А кто должен получить вторую половину? – поинтересовался Коршунов.

– Я. Когда наша служба будет закончена.

– А кто получит плату, если ты погибнешь?

– Мой сын.

– А если и он погибнет? Ачкам, если вы будете сражаться с нами, многие из вас погибнут. Уверен ли ты, что он, – кивок в сторону алана, – захочет с вами расплатиться? После битвы с нами вас останется совсем немного. А у него будет две тысячи воинов...

До алана наконец дошло, куда клонит Коршунов.

– Не слушай его! – выкрикнул степняк, вскакивая.

– Ну да, зачем меня слушать? – спокойно произнес Алексей. – Видишь, благородный Ачкам, как заволновался твой наниматель. Я ведь немножко колдун, ты знаешь. Он заволновался потому, что я читаю его мысли. Верно, алан?

– Я тебя убью! – пообещал алан, вытаскивая длинный нож (боевое оружие они все оставили у входа в шатер). – И отрежу твой язык!

Скуба тоже вскочил, схватившись за нож, но Коршунов даже не шелохнулся. И правильно.

Ачкам уже стоял между ним и аланом.

– Сядь, – уронил он холодно. – Это мой шатер.

И алан сел.

– Этот гот лжет, – заявил он. – Я не намерен обманывать тебя, Ачкам. Я честен с тобой. Твои воины легко разобьют этих землепашцев, я уверен...

– Это ты лжешь, алан! – перебил Коршунов, послушав «синхронный» перевод Скубы. – Если нас так легко разбить, почему ты прячешься за чужими спинами? Иди – и разбей нас!

– Зачем? – пожал плечами алан. – Вы и так все равно что мертвы. Мы заплатили храбрецам сарматам за то, чтобы до следующей весны ни один враг не смел приблизиться к нашим кочевьям.

– Ну да, – кивнул Коршунов. – Вы заплатили им, чтобы они защищали вас. Они и защищают. Они здесь, поэтому наше войско не пойдет по землям аланов. Они вас защитили, но разве они должны нападать вместо вас? Что об этом сказано в вашем договоре, Ачкам? Должны вы нападать на врагов аланов, если те не угрожают?

– Они нам служат, гот! – сердито воскликнул аланский лидер. – Они обязаны повиноваться!

Зря он это сказал.

– Ты заговариваешься, алан, – сухо произнес вождь сарматов. – Я – Ачкам, потомок Атея, не повинуюсь никому. Аласейя сказал правду: я защищаю тебя. Этого достаточно. Аласейя сказал: тебя не тронут. Он – голос их войска, так, Аласейя? (Коршунов кивнул: пусть-ка кто-нибудь попробует это оспорить!) Я не вражду с готами. Это твои враги. Напади на них, если тебе хватит храбрости. Я не стану их защищать, потому что вы, а не они платите мне. Но и тебе помогать не буду. Этого нет в нашем договоре, алан. Но если ты еще раз скажешь, что я тебе *служу*, я забуду о том золоте, которое мне заплатили. И потребую платы за оскорбление. А если ты откажешься платить, я возьму сам!

Аланский вождь, чье имя так и не было названо, некоторое время угрюмо смотрел на сармата, потом повернулся к Алексею:

– Запомни, гот, этот день. Мы еще встретимся.

Встал и вышел из шатра. Слышно было, как он бросил что-то своим телохранителям, потом застучали копыта: аланы уехали.

– О грозный алан! – воскликнул Ачкам и засмеялся. – Такой храбрец! Благодарю тебя, Аласейя, что показал мне помет шакала. У нас, сарматов, слишком много благородства и потому совсем нет коварства. Мы как степь, верно, боруск?

– Пожалуй, – кивнул Скуба. – Это они зовут нас борусками, – пояснил он для Коршунова. – Так нас когда-то называли греки.

– Скажи мне, Ачкам, а тебе самому не требуется помощь? – спросил Коршунов. – Когда мы уйдем, не захотят ли аланы отомстить?

– Они? – Сармат пренебрежительно усмехнулся. – Не посмеют. Они будут кормить нас всю зиму, а потом расплатятся с нами ромейским золотом. Но куда пойдешь ты, Аласейя?

– К морю, – твердо ответил Коршунов. – Войско должно воевать, а здесь нам больше воевать не с кем. И не за что.

– Рим? – полуутвердительно произнес Ачкам. – Ну да, ты – храбрец. Я пошел бы с тобой, если бы не знал наверняка: тот, кто воюет с Римом, в конце всегда проигрывает. Так было всегда.

– Времена меняются, – отозвался Коршунов. – Всё меняется...

– Только мы, сарматы, вечно кочуем в этих степях! – перебил Ачкам. – Хотя и ты прав: ведь такие, как аланы, приходят и уходят. Я понимаю тебя, потому что я знаю не один десяток поколений моих предков. Мой род видел множество племен, и мой отец рассказывал мне и моим братьям о прошлом, как я сейчас рассказываю своим сыновьям. А мои сыновья расскажут моим внукам. И так будет всегда, пока существует степь.

Коршунов кивнул, хотя и очень сомневался в вечности «правления» сарматского племени. «Вечных повелителей» не нанимают за золото. Пройдет какое-то время – и те же аланы вполне могут превзойти родичей Ачкама. Хитростью, численностью...⁵

Когда Алексей и Скуба, сопровождаемые сарматской полусотней (выделенная Ачкамом охрана), возвращались в лагерь, Скуба спросил:

– Ты все-таки хочешь идти на Рим, Аласейя? Ты, верно, забыл о римских триремах?

– Я о них помню, – ответил Коршунов. – А ты – забудь.

– Почему?

– Потому что они уйдут к берегам Мезии.

Скуба засмеялся:

– Разве ты римский император, чтобы приказывать римской эскадре?

– Нет. Пока. Но триремы уйдут. Ты увидишь.

Скуба одарил Коршунова странным взглядом, но промолчал. Вероятно, счел не вполне нормальным. С сумасшедшими, как водится, не спорят.

⁵ Пройдет век с небольшим – и большая часть сарматов, теснимая готами и теми же аланами, будет вынуждена отдаться под покровительство Рима. А еще через век территории, на которых в описываемое время обитали сарматы, войдут в державу Атиллы. Возможно, среди племен, ставших впоследствии основой для формирования Хазарского каганата, были и сарматы. Но с уверенностью утверждать это нельзя.

Глава четырнадцатая, в которой позитивно решается вопрос о морском транспорте

*Октябрь девятьсот восемьдесят шестого года от
основания Рима. Крым. Черноморское побережье*

– Они ушли! – Во взгляде Скубы сквозило нечто вроде мистического ужаса. – Наши рыбаки видели, как они шли мимо берегов. Десятки кораблей!

– Конечно, ушли, – спокойно произнес Алексей, хотя внутри у него все ликовало: «Сработало!»

И как быстро сработало!

Впрочем, не так уж быстро. Месяц прошел с тех пор, как было отправлено Коршуновское письмо. Сейчас почти середина осени. Три недели они добирались от аланских земель сюда, к морю. К Черному морю. Сушей, вплавь, опять сушей, снова – вплавь и опять – пешочком. Каждая перемена вида транспорта – изрядные хлопоты. Разобрать фургоны, погрузить на корабли. Отдельно – перевозка лошадей, если нельзя провести их берегом. Отдельно – тащить волоком сами корабли, если нельзя плыть... короче, суровые будни древних путешественников. В черед этих будней Коршунов совершенно потерял ориентацию. В физической географии он был не очень силен, несмотря на предполетную подготовку. Вот Черепанов – другое дело. Нет, кое-какие вещи в памяти Коршунова тоже отложились. Например, он мог бы определиться сверху: по особенностям ландшафта или по абрису крупных городов, но где они, эти города? И ландшафты тоже. Остались единичные ориентиры вроде крымской горы Айю-Даг – и то хорошо. А вот с географией политической – полный завал. Где-то рядом было Боспорское царство, сателлит Римской империи, насколько понял Алексей; мелькали знакомые названия приморских городов, вроде Херсонеса (но это – дальше к востоку), помнились какие-то исторические эпизоды и названия Тьмутаракань, князь Мстислав... Но до этих времен – еще века и века. Короче, то, что во времена, когда родился Коршунов, называлось Крымом, – где-то справа. А слева – то, что называлось Кавказом. Вернее, черноморским побережьем Кавказа. Примерно в этом направлении и планировалось действовать. Потому что там уже натуральная римская провинция Понт. Богатые места. По правую руку, Впрочем, тоже места не бедные, но там живут почти свои. Те же сарматы, и кореша бораны, и греки, и даже какие-то дальние родичи гревтунгов. Понятное дело: место хорошее, богатое. Особенно удобно с торговой точки зрения. Забавно, что весь этот странный конгломерат древних «крымчан», если верить Скубе, жил довольно мирно. Хотя не так уж это и удивительно. Богатые воевать не любят. Разве что – чужими руками. Или – дистанционно: «томагавками» и кововыми бомбардировками. Но это – в будущем. А нынче так: хочешь воевать – бери копьё и двигай на такого же, с копьём. Максимальная дальность здешней «артиллерии» – полкилометра. Точность и эффективность весьма умеренны. Десяток лучников стоит любой здешней боевой машины. В поле разумеется, а не против крепостей.

За время путешествия Коршунов несколько поиздержался. Популярность его в сводном войске росла, посему как-то так вышло, что у его «очага» постоянно отирались «гости», которых Коршунов по врожденному русскому хлебосольству приглашал «к котлу»... не то чтобы это были «халявщики», но... в общем, зерно пришлось прикупать и масло тоже. И коней, коих у Коршунова теперь был, почитай, целый табун, тоже полагалось кормить. Причем компетент-

ные люди объяснили, что если обычных, то бишь готских, лошадок можно было из экономии держать и на подножном корму, то сарматских красавцев следовало кормить зерном регулярно. Тоже – расход. А недавно еще и в «общак» вложиться пришлось, потому что общественные припасы, несмотря на подспорье в виде охоты и рыболовства, тоже расходовались. Хорошо хоть зерно в здешних местах стоило очень дешево.

Но вот – прибыли. Разгрузились, расположились в уединенной бухте, месте, заранее отведенном здешним хозяином, Крикшей. На некотором отдалении от ближайшего боранского городка. Разумная, впрочем, мера. Не пускать же «в дом» несколько тысяч вояк-чужаков? Мало ли чем это может кончиться...

Коршунова, впрочем, в тот же день пригласил к себе Скуба. «По-домашнему», вместе с Анастасией, но и не просто так. Потому что еще одним гостем Скубы в этот день стал сам боранский вождь Крикша. И говорил с Коршуновым «главный боран» с уважением. Еще бы! Сказал Аласейя: уйдут римские корабли – и корабли ушли. Так что над Коршуновым теперь мерцал ореол не просто любимца богов, а чуть ли не чародея. Даже такая мелочь в строку пошла, что Алексей сына Ачкама (сарматского вождя, как выяснилось, здесь знали и даже слегка побаивались) излечил. Тоже, естественно, приукрасили. Мол, не просто излечил, а чуть ли не с того света вернул. В свете новых Коршуновских свершений и легенда о его «небесном происхождении» теперь воспринималась с большой благосклонностью...

Короче, после традиционного обмена любезностями боранский вожак перешел к делу.

Да, теперь, когда римская эскадра ушла, он готов предоставить союзникам корабли. Без гарантий и предоплаты. Более того, несколько сотен его соплеменников также выразили желание поучаствовать в походе. Но есть одно условие.

Известно Крикше, что Аласейя участвует в походе как дружинник рикса Одохара. То есть – человек формально подчиненный. Одохар, конечно, рикс авторитетный, но... гот. Аналогично и Комозик. Тот вообще герул. Так что к Комозику у Крикши совсем мало доверия. Уж герулов-то они, бораны, знают хорошо. Не первый год торгуют. Жуки еще те. Даже чужих купцов через свои земли пропускать не желают. А у Комозика вообще неважная репутация. Всем известно, что он убил своего сопровителя. Так что не хочется Крикше с Комозиком дела вести. И с Одохаром тоже не хочется. А желает он, Крикша, чтобы от имени сводного войска выступал уважаемый Аласейя. И всем будет удобно. Боранам – потому что не совсем чужак им Аласейя. Хоть и из дальних мест, а на одном языке говорят. А прочим риксам тоже неплохо, потому что ни один из них не выделен особо, следовательно, и ни один не ущемлен. Но для этого надо решить небольшую проблемку. Надобно Коршунову официально выйти из-под протектората рикса гревтунгов Одохара и самому стать риксом. Вот только этот личный вопрос Коршунов должен урегулировать самостоятельно. Причем не откладывая – времени до холодов осталось не так уж много.

Со своей же стороны, он, Крикша, обещает Аласейе свою поддержку и завтра же объявит о своем решении лидерам союзников.

– А с чего ты решил, Одохар-рикс, что удача Аласейи – это твоя удача? – прогудел Травстила. – Удача героя – это удача героя. Это его конь, уносящий его по пути славы. Вот скачет всадник, чей конь знает верную дорогу. Ты можешь взобраться на коня позади всадника, если он позволит. Ты можешь повернуть своего коня следом за ним. Но если ты обгонишь его и начнешь указывать всаднику, куда ехать, что толку в его коне, ведающем путь.

– Я могу отнять этого коня, – заметил Одохар.

– Попробуй, – пожал плечами кузнец. – Победитель может взять удачу побежденного. Попробуй. Но и в этом случае тебе придется освободить его от клятвы верности. Пока он – в твоей дружине, ты должен заботиться о нем как о своем сыне. Он ведь не бросил тебе вызов. Он лишь попросил. Только ты решаешь, как поступить.

Одохар отхлебнул пива, взял жесткую, круто посоленную лепешку, сломал, протянул половину Травстиле.

– Я пришел к тебе за советом, – напомнил рикс. – Ты знаешь Аласейю. Ты знаешь его дольше и лучше меня. Ты говорил о нем с Овидой. Овида чует людей, как ты чуешь железо, а я – свой меч. Мне Овида сказал: «Аласейя – твоя удача». Что будет, если я освобожу его от клятвы? Не поймут ли сие как мою слабость? Не уйдет ли от меня *моя* удача вместе с Аласейей?

Травстила тоже отхлебнул пива, звучно разгрыз лепешку.

– Если тебе сделан дар, как надо отдариться, чтобы приобрести честь? – спросил он.

– Более щедрым даром, – не раздумывая ответил Одохар. – Но это – если между друзьями.

– Ты сам ответил, – кивнул Травстила. – Ты освобождаешь Аласейю от клятвы, но это не дар. Это – необходимость. Без этого бораны не дадут корабли. А без кораблей тебе не приобрести ни славы, ни добычи. Одари Аласейю сверх того, что он просит. Порази его своей щедростью! Ты теряешь дружинника, но взамен приобретаешь друга. Сделай Аласейю своим другом – и ты не останешься в убытке. Аласейя никогда не забывает друзей. Ты знаешь: обычно в нем нет настоящей храбрости. Он не из тех, кто бросится на копье, чтобы достать горло врага. Настоящая храбрость просыпается в Аласейе только тогда, когда в опасности его друг. Вспомни, как он собирался *в одиночку* биться с квеманами за своего друга Гееннаха! Вспомни, как он защищал Книву! Как он готов был схватиться даже с тобой за Стайсу. А ведь Стайса тогда не была его тиви.

– Женщина... – поморщился Одохар. – Женщина – не друг.

– Не для Аласейи! А когда он пошел к сарматам, чтобы освободить Красного! А потом – Агилмунда и Ахвизру! И заметь: у него все получилось так, как он хотел. И даже больше. Ты слышал, что рассказывал Скуба: сарматский рикс стал другом Аласейе и готов был встать рядом с ним против аланов. С простым дружинником Аласейей, а не с тобой или с Комозиком, а ведь гордость сарматов непомерна, это каждому известно. Аласейя приносит удачу всем, кто рядом. Вот хотя бы возьми его родичей. Вспомни: во время квеманского набега из рода Фре-тилы не погиб никто. А род Хундилы-старосты вырезали весь, одна лишь Алафрида осталась. А почему? Потому что делила ложе с Гееннахом, а Гееннах – друг Аласейи. Вспомни еще о том, что мирным вождем у нас теперь тесть Аласейи Фретила. А ведь еще весной никто не сомневался, что много лет мирным вождем гревтунгов будет Стайна. Так же, как ты, Одохар, – вождем военным.

– Понимать ли твои слова так, что вскоре Аласейя делается военным вождем вместо меня? – прищурился рикс.

Травстила покачал головой.

– Стайна пошел против Аласейи, – сказал он. – Против его удачи. Но ведь ты так не поступишь?

– А если поступлю? Не думаю, что гревтунги захотят риксом Аласейю. Он ведь даже не гот по крови.

– Это верно. Но разве родич Аласейи Агилмунд – не истинный гревтунг?

Одохар надолго задумался.

Травстила смотрел на него, пряча в бороде улыбку. Он знал, какое решение примет рикс. Но рикс не знал, что сказал Травстале напоследок верховный жрец гревтунгов Овида. А сказал Овида так: «Связав Аласейю клятвой верности Одохару, мы поймали его удачу в сети. Одохар – наш, и все, что его, – наше. Но может статься, что удача Аласейи слишком велика для гревтунгов. Может статься, что она – как слишком крупный зверь. Из тех, что рвет ловчие сети. Посему, если увидишь, что удача Аласейи *слишком* велика, сделай так, чтобы часть ее ушла

вовне. Пусть удача Аласейи не разметает наш народ, а проложит ему путь. К новым землям. В Ойум⁶».

⁶ Ойум – мифологическая земля обетованная для готов.

Глава пятнадцатая, в которой небесного героя Аласейю освобождают от вассальной присяги, провозглашают вождем... и тут же берут этот титул под сомнение

Церемония проходила со всей возможной торжественностью. Выстроилось все сводное войско: готы, герулы, гепиды. Присутствовали также местные – хозяева территории – бораны. Осеннее крымское солнышко грело макушки и навершия шлемов. Плескала по камешкам речка. Это здесь она называлась речкой, в других, более богатых пресной водой краях ее называли бы ручьем. Ниже, за виноградниками, за ухоженными садами, лежало Черное море, понт Евксинский. Синяя гладь пестрела рыбацкими суденышками. Рыба была одним из главных компонентов здешней кухни. Ею же и завтракали сегодня, поджарив на угольях костра, разведенного посреди поляны. Сейчас, разумеется, все «кухонные» принадлежности убрали, а костер разожгли вновь, для предстоящего дела.

Коршунов отвлекся, и Травстила, как «представитель богов», курировавший процесс «возвращения клятвы», негромко кашлянул.

Одохар, донельзя торжественный, покрытый золотом с ног до головы, выбросил вперед руку.

Коршунов, тоже в полном облачении, увешанный побрякушками из драгметаллов, с неизменным хронометром на груди, вынул, как было договорено, меч и, рукоятью вперед, подал его риксу.

Тот воздел клинок над головой, демонстрируя всем присутствующим.

– Сей меч мне более не принадлежит! – провозгласил он и вручил клинок Травстиле.

Кузнец принял оружие, погрузил на миг в пламя, затем протер тряпицей и поднял над головой.

– Вотан и Доннар видят! – прогремел он так, что спугнул ворон, обосновавшихся поблизости. Пернатые падальщики были неизменными спутниками войска, посему их полагали посланцами и соглядатаями местных кровожадных богов. Коршунов, впрочем, был уверен, что причина более тривиальная. Гастрономическая.

Коршунов оглядел собравшихся.

Вот стоят гепиды во главе с Красным. Не много, сотни три. Но на их поддержку можно рассчитывать железно. Справа от гепидов – сборная солянка. Небольшие отряды, примкнувшие в основному войску. Эти держатся Одохара, поскольку – готы. Не с герулами же им корешиться. Герулы – под Комозиком. Хотя, как теперь знал Коршунов, не все герулы любят своего военного вождя. Терпят. Как сам Комозик терпит присутствие в войске Коршунова. Не любит, но молчит. Разбираться с Алексеем после истории с сарматами рикс герулов не стал. Не рискнул? Или отложил до более удачного момента?

Еще – бораны. Эти – точно на стороне Коршунова. Может, и впрямь любят Алексея местные боги. Очень уж кстати приходится превращение его в «автономного» вожака.

Карканье и хлопанье крыльев народом было воспринято однозначно – как свидетельство божественного присутствия и одобрения.

– Боги услышали! – проревел Травстила.

И вернул меч Коршунову.

– Верно ли служил тебе Аласейя – небесный герой? – громогласно осведомился Травстила. – Добром ли ты отпускаешь его или по обиде?

– Верно служил мне Аласейя! – отозвался Одохар не менее зычно. – Добром отпускаю его!

– Какой же дар получит от тебя тот, кто служил тебе? – поинтересовался Травстила. – Дар прощания или дар дружбы?

Коршунов насторожился. Об этой части церемонии его никто не предупреждал.

– Дар дружбы! – провозгласил Одохар. – Подобающий воину!

– Что это за дар? – спросил Травстила. – Злато, серебро, оружие, коня, женщину?

Одохар покачал головой:

– Ведомо мне, что довольно у Аласейи злата и серебра. И оружие у него есть, а что же до коней, так кони его – лучше моих. Все у него есть, что подобает вождю. Кроме верной дружины. Поэтому дарю я ему не оружие и не злато, дарю я ему то, что дороже злата: лучшего своего дружинника отдаю я ему, Агилмунда, сына Фретины!

«Ну ни хрена ж себе!» – только и мог подумать Алексей.

Да уж, воистину царский подарок. Покруче сарматских коней. Надо, кстати, одного Одохару подарить. Тем более намекнул рикс на это довольно прозрачно.

Однако ж это было еще не все.

– Скажи мне, Агилмунд, сын Фретины, согласен ли ты отдать свой меч родичу своему Аласейе?

– Согласен! – рявкнул Агилмунд.

«Вот паршивец!» – подумал Коршунов. – Знал ведь! Заранее знал. И ни словом...»

– Тогда встань под руку Аласейи – Небесного Героя! – приказал Одохар.

Агилмунд кивнул и неторопливо (гот есть гот) двинулся вперед... а за ним – весь его десяток, во главе с Ахвизрой. Действительно щедро! Отдать своих отборных воинов... правда, у Одохара оставалось еще несколько сотен таких же, отборных...

Гревтунги окружили Коршунова. Ахвизра, вставший слева, фамильярно хлопнул Алексея по спине. Впрочем, никто, кроме своих, этого не увидел. Рослые готы совершенно заслонили своего нового вождя от прочего войска.

Коршунов шагнул вперед. Он хотел видеть, что происходит вокруг. Да и ответное слово сказать требуется.

– Благодарю тебя за щедрый дар, рикс гревтунгов! Славно было служить под твоей рукой! Славно будет идти *вместе* с тобой по дороге доблести! Уверен, что ждет нас, всех нас, храбрых воинов, собравшихся здесь, великая слава и великая добыча...

– Не всех!

Это сказал рикс Комозик.

– Не всех, Аласейя! – Рикс герулов неторопливо двинулся через поляну, к центру ее, где стояли Травстила, Одохар и Коршунов с дружинниками. – Дорога к славе одна, тут ты прав. Но мне с тобой тесно на этой дороге, Аласейя. Пришло время тебе с нее обратиться!

Войско зароптало. Слова вождя герулов многим не понравились. В первую очередь – Одохару.

– Стой, Комозик! – Рикс гревтунгов встал на дороге рикса герулов. – Аласейя – наша удача! Ты не бросишь ему вызов!

– Почему? – ощерился герул. – Он больше не твой дружинник! Ты сам объявил его вождем! Что это за вождь, который прячется за чужой спиной? Говоришь, он удачлив? Думаю, настало время узнать, чья удача больше: моя или его! Уйди с дороги, Одохар! Если ты веришь в его удачу, тебе не о чем беспокоиться!

Чуть помедлив, Одохар шагнул в сторону. Комозик прав, решил он. Если удача Аласейи так велика, как всем им кажется, ничего с ним не случится.

Вероятно, так же рассудили и остальные, потому что больше никто не счел нужным вступить за Коршунова. Даже Красный.

Все они верили в удачу Алексея. Он сам тоже верил. Но не настолько, чтобы выйти один на один против боевой машины, которую представлял из себя рикс герулов. От Скулди Кор-

шунов знал, что среди герулов нет никого, кто рискнул бы выйти против Комозика. Нашелся один в прошлом году... и отправился в лучший мир. Но и отступать нельзя. Все тут же сочтут его трусом. И конец Коршуновской харизме. И вообще всему его престижу.

Все эти мысли стремительно пронесли в сознании Коршунова, пока Комозик неторопливо преодолевал разделявшее их расстояние.

Преодолеl. Остановился напротив, глядя сверху вниз, надменно, чтобы не сказать пренебрежительно. Глядел и молчал... ну да, он свое сказал. Теперь ответное слово предоставляется приговоренному.

Коршунов откашлялся.

– Хочешь биться со мной, рикс герулов? – спросил Алексей, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

– Не биться, – с холодной усмешкой уточнил Комозик. – Убить.

– Это уж как боги решат, – сказал Коршунов. – Я тебя понял. Биться будем завтра. Если не передумаешь. Когда и где – я тебе тоже скажу завтра, когда взойдет солнце. У меня сегодня хороший день. Не хочу сделать его печальным.

– Пусть так, – кивнул Комозик. – Повеселись до утра. А печалиться тебе не придется. Потому что ты умрешь.

– Да нет, герул, я *буду* печалиться! – с нажимом произнес Коршунов. – Но не очень сильно. Конечно, в нашем славном походе *нам* будет не хватать такого воина, как ты. Но мы справимся!

И улыбнулся прямо в ощерившуюся вызеленную физиономию герула.

Глава шестнадцатая

День и ночь перед поединком

– Море... – Анастасия зачерпнула ладонью воду. – Холодное море...

– Разве? – удивился Коршунов.

Он-то полагал, что вода довольно теплая. Градусов девятнадцать. Бархатный сезон...

– Там, где я выросла, море намного теплее. – Анастасия попробовала воду на вкус. – И солонее. Но это – настоящее море. Настоящая морская вода. Не та, что в Меотийском болоте.

«Меотийским болотом» она называла Азовское море.

– Смотри, рыбаки возвращаются!

К удаленной бухте направлялось несколько парусных суденышек. За каждым, шлейфом, тянулись крикливые чайки.

– Пойду-ка я выкупаюсь, – сказал Коршунов. – Ты – со мной?

– Нет. – Анастасия зябко подернула плечами, закуталась в шерстяной плащ.

Коршунов снял перевязь с мечом, расстегнул пояс...

– Если будут обижать – кричи, – пошутил он.

– Кто меня обидит? – совершенно серьезно ответила Анастасия. – Я – твоя женщина. Все об этом знают.

Коршунов прыгнул с камня, на котором они сидели. Вода оказалась даже теплее, чем он ожидал. Особенно у поверхности. Коршунов выплыл из-под тени скалистого мыса. Подсвеченное закатом море было очень спокойно. И очень красиво. Кричали чайки. Из соседней бухты доносились голоса. Там располагался лагерь сводного войска. Его войска. Если, конечно, завтра Коршунова не прикончит герульский рикс. Надо, чтобы не прикончил...

Коршунов оглянулся. Рядом с Настей уже кто-то сидел. Ну вот! На десять минут одну оставить нельзя!

Алексей развернулся и поплыл к берегу. Его снова коснулась тень скалы. Задрав голову, Коршунов посмотрел вверх. Метров семь-восемь. Понырять бы. Правда, у самого берега – камни, но чуть подальше – отличное глубокое место. Нырять Алексей любил и умел. Но неохота было лезть на гору. Интересно, кто это там, с Настей?

«Соседом» Анастасии оказался Тарвар. Старший сын Крикши. Коренастый парень на вид лет восемнадцати-девятнадцати, но на самом деле наверняка младше. Здесь выросли быстрее, чем там, где родился Коршунов. Сидел на корточках, болтал по-гречески с женщиной Коршунова. Когда Алексей вскарабкался на камень, оба из вежливости перешли на боранский. То есть Тарвар говорил по-борански, а Анастасия – на русском, которому успела выучиться у Коршунова. Способности к языкам у нее были потрясающие.

– Батя мой к вашим старшим ходил, – сообщил Тарвар. – Сказал им, что корабли даст только тебе. И больше никому. Если герульский рикс тебя убьет, то и все ваше войско пусть убирается восвояси. Комозик сказал: батя ему не указ. И останется он тут сколько захочет. Но его никто не поддержал. Батя мой сказал: посмотрим. И ушел. Если тебя убьют, Аласейя, нехорошо получится. Батя за слово отвечает, а с герулами нам ссориться нельзя. Через них у нас торговля с Севером идет.

«Надо же, какой рассудительный парнишка», – подумал Коршунов, растираясь краем плаща и натягивая рубаху.

– Посмотрим, – произнес он. – Меня многие хотели убить, но до сих пор ни у кого не вышло! – Он подмигнул Анастасии. – Так отцу и передай.

Сначала у шатра Коршунова, который теперь числился как бы вождем, было совсем мало народу. Куда меньше, чем обычно. Они с Настей да Книва. Новоявленные дружинники Алек-

сея где-то ошивались. Даже Сигисбарн усвистал куда-то. Коршунов подозревал: нашел средний сын Фретилы себе подружку из местных. Так что ужинали втроем.

Зато после ужина Коршунова вызвал на разговор Скулди. Сообщил, что честно пытался отговорить своего рикса от поединка. Не смог. Комозик упрям. Прямо как гот. Так что придется Коршунову туго. Но он, Скулди, сразу его предупреждает: никаких колдовских штучек. Комозик сказал: с воином я буду сражаться как с воином, а со злым колдуном не сражаются. Его убивают. В общем, если Коршунов применит какое-нибудь свое колдовство, все герулы на него набросятся. И много крови прольется, потому что, ясное дело, остальные тоже в стороне не останутся. И гревтунги, и гепиды.

– Дурак твой Комозик! – в сердцах бросил Коршунов. Он-то надеялся, что в случае чего просто пристрелит герульского вожака.

– Не говори дурно о моем риксе! – набычился Скулди.

Коршунов хотел вспылить, но подумал: если завтра все сложится для него удачно, то он, Алексей, станет вождем для Скулди. И тогда, надо полагать, уже о нем нельзя будет говорить дурно.

– Ладно, – сказал он. – Колдовства не будет. Спасибо, что предупредил.

Когда Коршунов вернулся, костер у его шатра горел втрое ярче и людей около него было намного больше: весь условный «десяток» Агилмунда вместе с командиром. Обсуждали, разумеется, будущий поединок. Склонялись к мысли, что рассчитывать Коршунов может только на свою непомерную удачу. Потому что справиться с Комозику под силу разве что Красному. Но Красному выступать за Коршунова было бы неправильно. Он все-таки не гот, а гепид. С другой стороны, Коршунов вправе выставить вместо себя бойца из своей дружины. Того же Агилмунда. Скорее всего, Комозик Агилмунда убьет, и тогда против него можно будет выставить еще одного бойца... а когда Комозик проведет десяток поединков, то утомится и у кого-нибудь появится шанс с ним справиться. Только не у Аласейи, разумеется. Лучше всего Агилмунда приберечь, а первым против Комозика Ахвизру выставить. Ахвизра – верткий. Комозик здорово попотеет, пока его убьет...

Коршунов минут пятнадцать слушал это обсуждение «коллективного жертвоприношения», потом взбеленился и заявил: всё! Хватит! Никто за него сражаться не будет! Да, рубится он так себе. Но, как верно замечено, у него, Аласейи, есть еще и удача. А кроме удачи – голова на плечах. И он собирается использовать эту голову, чтобы победить. Всем понятно? Тогда разговор окончен.

После такого выступления тема была закрыта. Более того, дружина Коршунова уверилась, что у вождя есть некий план. Так что все будет в порядке.

К сожалению, никакого плана у Коршунова не было. Так, кое-какие идеи...

Анастасия рядом с ним зашевелилась. Маленькая ступня коснулась колена Коршунова... Легкий, бесшумный прыжок с ложа – звук поглотила медвежья шкура на полу.

– Пей... – Чаша с вином, отличным Красным крымским вином, к сожалению, по-гречески разбавленным, коснулась его губ.

Возлюбленная умела угадывать его желания раньше, чем он сам.

Алексей знал, кем она была раньше. Гетерой. И шпионкой. Эта великолепная женщина с талией столь тонкой, что ее можно обхватить пальцами, с кожей младенца и голосом, стирающим все, кроме чувства, была оружием более страшным, чем копье в руках родича Коршунова Агилмунда, лучшего из готских воинов, которого знал Алексей. Анастасия была смертоносным оружием, отравленной стрелой, изготовленной в Риме, чтобы внезапно и безошибочно вонзаться в сердца врагов империи. Но Алексей не ревновал к ее прошлому. Ведь теперь она принадлежала ему, а не великой Римской империи. Только ему. Да, он сам никогда не сможет пользоваться этим оружием *по-настоящему*. И не захочет. Эта стрела больше не будет прон-

затя сердца. Хотя совсем недавно эта «стрела» чиркнула пару строк, которые сделали больше, чем тысяча готских копий.

Алексей отнял у нее чашу, привстал и сам поднес серебряный кратер к припухшим губам женщины. Даже в полной темноте он знал, каковы ее губы, и *видел* ее смуглое лицо так же хорошо, как при свете дня. Он слушал, как она пьет, и думал о том, что скоро, очень скоро им придется расстаться. Даже если из завтрашнего поединка он выйдет победителем. Потому что в море, в набег он ее точно не возьмет. Потому что ему легче самому умереть, чем потерять *ее* ... но он не умрет, нет. Он не должен умереть. Он должен что-то придумать...

Настя уже заснула, а Коршунов все лежал, глядя в темноту, размышляя. Нет, он не должен сражаться с Комозиком по его правилам. Есть множество навыков, полезных в бою, кроме владения мечом. Навыков, в которых Коршунов намного более умен, чем его противник. Поединок – это то же соревнование. А что же это за соревнование, когда против гроссмейстера выступает любитель. Нет, может и любитель против гроссмейстера. Только не в шахматы. Как там пел Высоцкий? «Мы сыграли с Талем десять партий. В преферанс, в очко и на бильярде...» Правда, публика, которая ждет шахматного турнира, может не согласиться на партию в преферанс. Значит, надо, чтобы согласилась. Значит, надо создать такую ситуацию, когда сам факт соперничества станет выше формы. Создать ситуацию *вызова* для Комозика. Предложить ему соревноваться по правилам Коршунова, да так, чтобы войско не сочло, что Аласея трусил. И так, чтобы отнюдь не глупый, хотя и упрямый Комозик не сообразил раньше времени, что игра идет уже не по его правилам... Думай, голова, думай! Неужели он, Алексей Коршунов, ученый-физик, кандидат наук, не сумеет перемудрить какого-то варвара?

Глава семнадцатая

Поединок

– Ты все еще хочешь меня убить? – спросил Коршунов.

– Хочу, – честно ответил герульский рикс. – И убью.

– Угу. – Коршунов усмехнулся. – Ты меня напугал. Я уже убегаю.

– Беги! – ухмыльнулся Комозик. – Но не думай, что сможешь от меня убежать! Я поймаю тебя и разрублю на куски, как свинью!

– Ты?! Поймаешь меня?! – Коршунов расхохотался. – Ты стар и неуклюж, Комозик! Ты тиви свою не догонишь, если ей надоест с тобой возиться!

Это было оскорбление. Готы и герулы, хоть и научились пахать землю, по сути своей оставались охотниками. Лесными охотниками, для которых умение быстро передвигаться на собственных ногах (при необходимости – скрытно), умение преследовать зверя (или врага), догнать его, *загнать*, ценилось почти так же высоко, как умение убивать. Так что Коршунов знал, что делает. Теперь знал. Он все-таки придумал свою игру. И намеревался навязать ее Комозику. Сегодня утром Алексей встал за час до рассвета, провел рекогносцировку и просчитал все этапы. Если он сделает все, как надо, герульский рикс сыграет не по своим, а по его правилам. А уж там... как получится.

– Ты можешь убить только того, – продолжал Алексей насмешливо, – кто сам подойдет к тебе и подставит шею. Ты никогда не сможешь настичь и убить настоящего воина. Даже если он будет безоружен!

– Болтай что хочешь! – прорычал герул. – Тебя никто не слышит! И заката тебе не увидеть!

– Мечтай, Комозик! – воскликнул Алексей. – Мальцам и старикам одно утешение – мечтать! Мечтай! Но лучше оглянись! Все слышат меня! Все! – Коршунов махнул рукой, словно напоминая риксу герулов о теснящихся вокруг воинах. – И все слышат, когда я говорю: «Никогда тебе, Комозик, не догнать меня и не убить, если я сам не подойду к тебе и не подставлю шею! Не догнать и не убить, даже если у меня не будет оружия!»

– Ты лжешь! – взревел Комозик. – И все слышат твою ложь!

– Я лгу? – Коршунов расхохотался. – Ты слишком стар и неуклюж, Комозик, чтобы достать меня! Ха! – Он быстро расстегнул перевязь с мечом и бросил Агилмунду.

Шагнул вперед, показал открытые ладони. – Вот я! И оружия у меня нет! (Нож на поясе, ясное дело, – не в счет.) Мне не нужен меч, чтобы биться с тобой, Комозик! Убить тебя, старого и неуклюжего, – какая в этом слава? А ты, хоть с мечом, хоть без меча, – ничего мне не сделаешь. Ну вот я! – Коршунов вызывающе ухмыльнулся. – Попробуй взять меня, герульский рикс!

Стройный, невысокий, без доспехов, в легкой одежде, он казался совсем малышом рядом со здоровенным, облаченным в доспехи герулом. Жертва, а не противник.

– Я тебя убью! – прорычал Комозик.

– Ха! Ты до меня даже не дотронешься! Ты...

Комозик атаковал молча. Стремительно. Меч вылетел из ножен и обрушился на Коршунова с такой быстротой, что даже воздух взвизгнул. Алексей отпрыгнул в сторону, едва не задев Агилмунда (тот успел посторониться), уклонился от следующего удара, подпрыгнул, пропуская клинок под собой...

Толпа раздалась в стороны, освобождая место противникам. Никто не хотел случайно угодить под меч рикса герулов.

Впрочем, случайных движений у Комозика не было. Он орудовал клинком быстро и экономно. Алексей успевал уклониться, но отнюдь не играючи. Не будь его враг отягчен доспехами, Коршунову пришлось бы по-настоящему туго. Герул был старше его минимум лет на

десять и килограммов на тридцать тяжелее. Но двигался бы Комозик ничуть не медленнее Алексея, не будь на нем тяжелых доспехов, в то время как на Коршунове – ничего, кроме тонкой ткани.

После нескольких минут атак, прыжков и уходов, топанья, шуршания и вздымания пыли до герула наконец дошло, что Коршунова ему не достать. И именно из-за доспехов. Тогда он аккуратно воткнул меч в землю, снял шлем и взялся за завязки панциря.

У Коршунова было искушение: прыгнуть и попытаться перехватить воткнутый в землю меч, но он прикинул расстояние, оценил противника (Комозик явно был наготове) и решил этого не делать.

– Вспотел? – сочувственно произнес Алексей. – Или блохи донимают? Ладно, раздевайся, я подожду!

И демонстративно скрестил руки на груди.

Герул не ответил – восстанавливал дыхание. Впрочем, запыхался он значительно меньше, чем надеялся Коршунов. Да, загонять такую машину, способную биться несколько часов подряд, практически невозможно. А вот раздражить и заодно приобрести симпатии окружающих (Алексей понимал: по местным понятиям уклоняться от схватки – позорно, а он, как ни крути, именно уклонялся) – совсем неплохо.

– Как-то ты скучно меня убиваешь, Комозик, – насмешливо произнес Алексей. – Топчемся всё на одном месте. Скучно! Давай, что ли, поразомнемся, места вроде хватает... – Он демонстративно повернулся к противнику спиной, одновременно опытным взглядом скалолаза изучая склон. Изрезанный трещинами мягкий камень не представлял особой сложности для подъема. – Пожалуй, – по-прежнему не глядя на Комозика, продолжал он, – я бы поднялся повыше. А то мы здесь здорово напылили...

И в этот момент герул, избавившийся наконец от доспехов, схватил меч и бросился на него.

Он был дьявольски проворен, этот рикс. Но все-таки Коршунов успел раньше: подпрыгнул, зацепился и проворно, как ящерица, полез наверх. Для скалолаза его уровня эта стенка была – как лестница.

– Хорошо лезет, – сказал Крикша своему старшему сыну Тарвару, которого намеревался отправить в поход с Аласейей. – Лучше тебя.

– Я бы не стал лазать, – возразил Тарвар. – Я бы дрался.

– И этот герул прикончил бы тебя. Он рубится намного лучше тебя.

– Зато лазает намного хуже, – парировал Тарвар.

Комозик как раз закончил ругаться, сунул меч в ножны и полез наверх. Вероятно, его обманула легкость, с которой взбирался Коршунов. Рикс герулов физически был намного сильнее Алексея. Но и весил побольше, а навыками скалолазания обладал самыми минимальными. Разумнее ему было бы не лезть по скале «напрямик», а воспользоваться обходной тропинкой, но Комозик не привык отступать. Тем более – на глазах у собственных воинов. Так что он упорно карабкался по скале, но в отличие от опытного скалолаза Коршунова не на «ногах», а почти исключительно «руками». Правда, руки у Комозика были могучие, а пальцы – железные.

Оказавшись наверху, Коршунов поприветствовал оставшихся внизу взмахом руки, затем подобрал булыжник килограмма в три весом, уселся на край обрыва и стал ждать, перекидывая камешек с ладони на ладонь. Честно говоря, он не рассчитывал, что Комозик полезет за ним. Алексей думал, что рикс воспользуется тропой. Может, не рисковать – прикончить его прямо сейчас?

Комозик преодолел примерно две трети «маршрута», оказался на более или менее приличной «полке» и смог наконец разглядеть, чем занимается его соперник. Увиденное не привело герула в восторг.

Для Комозика исход поединка был заранее предрешен. Он был уверен, что Аласейя не в состоянии ему противостоять. Рикс знал, что стоит им скрестить клинки, и он сможет прикончить пришельца с неба в считанные мгновения. Но Комозик не собирался торопиться. Он намеревался поиграть с наглецом, пустить ему кровь, увидеть, как от осознания неминуемой смерти расширятся глаза Аласейи. И как они вылезут из орбит, когда клинок рикса герулов медленно погрузится в живот нахального чужака.

Уверенность в своем абсолютном превосходстве вкупе с жадой мести ослепили Комозика, и он не учел и преимуществ, какие дает выигрыш в высоте. Особенно когда у того, кто снизу, заняты руки и нет никакой возможности увернуться. Оценив положение, рикс герулов даже подумал: а не слезть ли обратно? Но когда поглядел вниз, то понял, что угодил в ловушку. Известная проблема всех неопытных «ползунов»: забраться-то легко, а вот спуститься...

В общем, рикс герулов решил: умирать – так с музыкой. И полез дальше. Собравшиеся внизу подбадривали его насмешливыми возгласами. Все, кроме герулов. Соплеменники Комозика хранили молчание. Не очень-то приятно смотреть, как твой вождь беспомощно движется навстречу смерти.

– Эх, – вздохнул Кумунд, глядя на маленькую фигурку Коршунова, играющую совсем крохотным камнем. – И не дострелить до него...

– Ну почему же? – усмехнулся Скулди. – Дострелить можно. Из Аласейевского самострела.

Кумунд посмотрел на друга, понял, что тот шутит, – и удивился. Как можно шутить, когда твой рикс – в опасности.

– Аласейя не бросит камень, – сказал Скулди. – Я его знаю.

– Но ведь Комозик тогда его убьет! – возразил Кумунд. – Я бы бросил камень! Я бы бросал камни, пока не сшиб бы его со скалы! Это честно! Аласейя совсем плохо сражается, а наш рикс сражается очень хорошо! Они оба это знают! Не надо было Комозику лезть на гору!

– Ты бы бросил, а Аласейя не бросит! Ставлю золотую ромлянскую монету, что не бросит! Принимаешь?

Кумунд мотнул головой. Он привык доверять словам друга. Если Скулди сказал – так и будет.

Когда до края обрыва Комозику осталось метра два, он запрокинул голову и хрипло выкрикнул:

– Бросай, чего ты ждешь!

Коршунов помотал головой, отложил камень и поднялся. За его спиной была еще одна стенка, слева и справа – довольно широкая тропа. Слева тропа уходила вверх, справа – спускалась вниз, к бухте: сначала – по берегу речушки, потом – вдоль осыпи, вниз. Воспользуясь Комозик этой тропой – добрался бы сюда в три раза быстрее, чем напрямик.

Коршунов подождал, пока пальцы герула не ухватились за камень, на котором только что сидел он сам, поглядел сверху на побагровевшую физиономию соперника... и ничего не сказал. Комозик замер. Он здорово устал. И понимал, что Аласейя сейчас может запросто отправить его вниз. Одно движение ноги – просто смахнуть цепляющиеся пальцы. И никто даже не узнает, что Комозик упал *не сам*. И все там, внизу, сочтут его падение еще одним проявлением *удачи* Аласейи. Комозик даже приготовился (безнадежная попытка) ухватить ногу Аласейи, когда тот ударит...

Но Аласейя не ударил. Вместо этого он повернулся к Комозику спиной и спокойно двинулся вниз по тропе.

Последним рывком рикс герулов перебросил тело на тропу. Лежа, он с ненавистью смотрел на неторопливо удалявшегося противника. Но преследовать его сейчас не мог. Надо было перевести дух после подъема. И, может быть, немного привести этот «дух» в порядок, ведь совсем недавно Комозик уже полагал себя почти мертвым.

Снизу лежащего рикса не было видно, зато все видели спускающегося Коршунова. И строили предположения. Сходились на том, что Аласейя там, наверху, все-таки убил герульского вождя. Высказывались предположения по поводу того, как это было сделано. Кое-кто из герулов уже собрался подняться наверх, за телом, когда Комозик встал.

Встал, вытянул из ножен меч и рысцой пустился вниз по тропе. За Коршуновым.

Алексей оглянулся. Герул был метрах в шестидесяти. Коршунов видел его сосредоточенное лицо. В намерениях Комозика можно было не сомневаться. Несмотря на то что Алексей пощадил его там, на скале, рикс намерен довести начатое до конца. То ли воспринял снисходительность Коршунова как слабость, то ли еще больше возненавидел противника за эту самую снисходительность.

Коршунов дал герулу возможность приблизиться – и побежал. Легко и непринужденно, словно на прогулочной пробежке. Герул тоже побежал. Да так проворно, что расстояние между ними стремительно сократилось.

Алексей, услышав за собой приближающийся топот и сопение, оглянулся и прибавил.

Герул тоже прибавил.

Алексей припустил в полную силу... черт! Проклятый герул не отставал! Он действительно умел бегать! К Коршунову вернулось чувство, испытанное там, внизу, когда он уклонялся от герульского клинка. Жизнь снова висела на волоске. Любая ошибка становилась смертельной... теперь Алексей рвал изо всех сил, но Комозик не уступал ему в скорости!

Они промчались по тропе до того места, где она, упираясь в нагромождение камней, делала поворот вниз.

Коршунов с ходу прыгнул на ближайший валун, затем – на следующий. Он не сомневался, что Комозик последует за ним. И не ошибся. Герул последовал. И даже прыгал довольно ловко. И едва не достал Алексея на «выходе» из завала, в длинном рискованном прыжке махнув с угловатого валуна на наклонную гладкую поверхность скалы. К счастью, рикс малость не дотянул, сорвался и грохнулся в щель, приложившись так основательно, что даже не сумел сдержать крик. И все-таки через пару секунд он уже выкарабкался на скалу, даже меч не потерял. Выкарабкался и увидел, как Коршунов с разбега, оттолкнувшись от края скалы, ласточкой прыгнул в море.

– Я тоже так могу, – заметил сын Крикши, глядя, как Аласейя перевернулся в воздухе, благополучно миновал камни, торчавшие из воды у берега, четко, почти без брызг, вошел в воду и почти сразу вынырнул на поверхность.

Его противник помедлил не более нескольких мгновений – прихрамывая, устремился следом – и тоже прыгнул. Но куда менее грациозно. Летел, словно мешок, вдобавок запрокинулся на спину и рухнул в воду впритирку к обросшему космами водорослей камню, взметнув при этом тучу брызг. И уже не всплыл.

– Убился, – без малейшего огорчения резюмировал Тарвар.

– Так я и думал, – сказал крикша. – Куда этому герулу до *нашего* Аласейи.

Коршунов видел, как рухнул Комозик. Он не сумел разглядеть, задел ли герул о камень. Но даже если и не задел, мало ему не показалось. Плюхнуться спиной о воду с высоты порядка семи метров – это сурово.

Вообще-то Алексей на такое не рассчитывал. Он предполагал, что здесь, в воде, они продолжат свой поединок. Уже на равных, даже с некоторым преимуществом для отлично плававшего Коршунова.

Да, мало Комозику не показалось. В насквозь просвечиваемой солнцем воде было видно всё: зеленые бока камней, рыбешки, белый пяточок ровного дна. И быстро опускающееся на это

дно темное тело. Упрямый герул, оглушенный, наверняка полуживой, все равно не выпустил из рук меч и теперь несколько килограммов железа утянули его на дно.

Ну да, утоп, зато с оружием в руке. Настоящая смерть воина.

«Дурак, – подумал Коршунов. – Но я – еще больший дурак!» – сделал три быстрых глубоких вдоха – и нырнул.

До дна было не очень далеко – метров шесть. Герул живописно разлегся на нем, размавав руки. Похоже, отрубился. Глаза закрыты. Морда по-прежнему зеленая. Крепкая краска, однако. Картинка для голливуда: воин морского царя на отдыхе. Меч он так и не выпустил.

«С этой железякой его точно не поднять», – подумал Коршунов. И попытался разжать пальцы. Хрена лысого! Проклятый герул даже в бессознательном состоянии расставаться с оружием не хотел. Коршунову потребовалось с полминуты, чтобы выкрутить меч из цепкого хвата. Заныло в груди, застучало в висках: запас кислорода был на исходе. Не выпуская меча, чтоб не всплыть раньше времени, Коршунов ухватил Комозика за патлы... и тут герулу приспичило очнуться. Вернее всего, приспичило ему, когда у него отобрали меч. Очнулся, открыл глаза, увидел над собой ненавистного соперника, оскалился... и вдохнул. До сего момента, похоже, он и не дышал вовсе, так что ощущение он получил убойное. Глаза вождя герулов выпучились, борода встала дыбом... но загребушие руки дело знали. Одна вцепилась в бок Коршунова, другая потянулась к его лицу...

Не долго думая Алексей треснул Комозика в лоб рукоятью меча. Оно конечно, в воде удар не тот, но – хватило. Герул мигом обмяк, Коршунов сильно оттолкнулся ногами от дна, устремляясь в светлой пленке над головой... стремительного всплытия не получилось. Упорный герул не хотел его отпускать. У него, похоже, был рефлекс. Как у бульдога. Если уж схватит – умрет, а не отпустит.

Коршунов выгребся наверх, жадно вдохнул – кайф!

Комозик висел у него на поясе, вялый, как дохлая рыба. Здоровенный, но совсем не обременительный. И опять та же дилемма: расцепить его пальцы и отправить на дно – никто не узнает, что именно Коршунов прикончил рикса герулов. Все видели прыжок. Все видели, что прыжок вышел неудачный...

«Хрен с тобой, – подумал Алексей. – Я тебя вытащу и попробую реанимировать. А там уж точно: как твоя личная удача положит!»

И, приподнявшись над водой, призывно замахал рукой. Давайте сюда быстрее, мать вашу!..

– Зовет! – сказал Тарвар. – Я сплываю, батя?

– Давай, – согласился Крикша.

Рыбачьей лодке понадобилось меньше минуты, чтобы одолеть полсотни метров.

– Бери его! – скомандовал Коршунов, подталкивая снизу грузное тело. – Да поживее!

– Чего поживее, ему теперь спешить некуда... – прокряхтел Тарвар, втягивая Комозика в лодку через просевшую корму.

– Живее, я сказал! – Коршунов забрался внутрь, мокрый и решительный. – К берегу! Он еще не умер!

– Как же не умер! – возразил парень. – Не дышит же!

Веслами, впрочем, он при этом работал довольно энергично.

– Задышит! – с яростью пообещал Коршунов. – Он у меня задышит!

– Ты бог, что ли? – удивился боран.

У берега лодку встречала целая толпа.

– Ну-ка взяли его, аккуратно! – скомандовал Алексей. – Аккуратно, я сказал! Вынесли и положили! Мордой вниз!

Поднатужившись, он взгромоздил тяжеленного герула животом на колено. Из рта рикса хлынула вода.

Сколько прошло времени с тех пор, как Комозик хлебнул воды? Три минуты? Пять?

Коршунов спихнул герула с колена, перевернул навзничь.

– Скулди!

– Я тут!

Ну конечно, он тут, в первых рядах толпы, плотно обступившей Алексея и его «пациента».

– А ну отошли все на пять шагов! – рявкнул Коршунов. – Скулди, делаешь так: вдохнул... выдохнул! – Он наклонился к бородатой пасти Комозика и с силой втокнул в нее воздух. В груди у герула забулькало.

– Делаешь по моей команде... раз, два, три... – Он резко нажимал на выпуклую грудь Комозика. – Четыре! Выдох! И еще раз! Начали!

Чем хороши местные парни: в критических ситуациях никогда не задают дурацких вопросов. Просто делают, что сказано, оставляя вопросы на потом.

– Раз, два, три... четыре! – И Скулди выдохнул в своего вождя во всю мощь развитой грудной клетки.

К сожалению, и у самого вождя грудная клетка была – будь здоров.

Один цикл, второй, третий, четвертый... никакого эффекта. Не с Коршуновским весом продавливать такого качка. Все равно что пивной бочонок давить...

– Кумунд! – рявкнул Коршунов, углядев в толпе знакомую зеленокрашенную физиономию. – А ну иди сюда! Клади сюда руки! И нажимай вот так: раз, два... сильнее, мать твою так (последнее – по-русски, разумеется)! Из всех сил! Или твой рикс помрет! Раз, два... Скулди, отойди! Я сам!

На десятом цикле в могучей груди Комозика забулькало громче. Грудь его дернулась не в такт толчкам, расширилась, разинутый рот с сипением втянул воздух, глаза открылись... и увидели над собой все того же нанавистного Аласею.

Коршунов успел отодвинуться.

– Придержи его, Кумунд! Ему сейчас вредно двигаться!

Здоровяк герул беспрекословно выполнил команду и придавил к земле своего собственного рикса. Еще бы ему не послушаться! Только что у него на глазах небесный герой перетащил этого самого рикса из мира мертвых обратно в мир живых.

– Ф-у-ух! – вздохнул Алексей. – Тяжеленький сегодня день получился. Скулди, забирай его. – Он кивнул на снова обмякшего Комозика. – Думаю, теперь он не помрет. Блин! На бок его переверните! Быстрей!

Победоносного рикса начало рвать. Было бы обидно, если бы после стольких усилий по его оживлению Комозик захлебнулся собственной блевотиной.

– Разденьте его, оботрите досуха и заверните во что-нибудь теплое. Крикша! У тебя вроде бы лекарь есть толковый?

– Есть, – подтвердил боран. – Очень толковый. Боспорец. Из Феодосии.

– Пришли. Пусть осмотрит рикса Комозика. С меня довольно!

И растолкав, нет, не растолкав – раздвинув (его почтительно пропустили) толпу, Аласея – Небесный Герой, чье абсолютное лидерство больше никем не оспаривалось, удалился в свой шатер. Отдыхать. И думать, как быть дальше с мятежным герульским риксом.

Чует сердце: такие, как Комозик, пока живы – не успокоятся. Эх, зря Коршунов его не утопил!

Но удача по-прежнему улыбалась Алексею Коршунову. Греческий медик, осмотрев герульского вождя, нашел его состояние удовлетворительным. Если не считать закрытого пере-

лома ноги. Когда он ухитрился сломать ногу? Наверное, наверху, когда сорвался с камня. Круто, однако! Пробежать со сломанной ногой метров пятнадцать, да еще в воду прыгнуть!

Лекарь соединил кости и наложил шину, но ясно было, что для боевых действий Комозик временно не пригоден. Посему на закрытом герульском совещании было решено погрузить рикса на корабль и отправить домой с подобающим эскортом. Командование герульской частью войска Комозик поручил Скулди: вариант, полностью устраивавший всех, включая Коршунова.

На следующий день Комозик пригласил Коршунова в гости.

– Понимаю, почему ты меня пощадил, – сказал он. – С такой удачей можно быть милосердным.

– Я не знал, что у тебя сломана нога, – ответил Коршунов. – И убивать тебя не хотел. Такой воин, как ты, очень пригодился бы в нашем походе.

– Ты лжешь. – Комозик усмехнулся. – Ты пощадил меня не поэтому. Но я не стану с тобой спорить. С такой удачей, как у тебя, можно лгать. Любая ложь окажется правдой. Но когда ты вернешься, я проверю твою удачу еще разок. Раз уж ты мне предоставил такую возможность.

– Договорились, – ответил Коршунов.

Да, этот мужик умеет проигрывать.

«Пожалуй, он мне может начать нравиться, – подумал Алексей. – Но рядом с собой я все-таки предпочитаю видеть не его, а Скулди».

Глава восемнадцатая, в которой Алексей Коршунов разобрался с местной географией

Наконец-то Коршунов определился со своим местонахождением. Их лагерь базировался где-то в районе Севастополя, сравнительно недалеко от города Херсонеса, развалины коего Коршунов посещал в двадцатом веке и даже привез оттуда на память обломок какого-то древнего кирпича. Здесь Херсонес еще не превратился в развалины, назывался Херсоном и являлся довольно крупным городом с каменной крепостью, каменными домами и большим портом.

Шумный южный город, смешение народов, традиций и религий. Языческие храмы соседствовали с синагогой и с христианской молельней. В общем, это уже было не варварство, а *культура*. Цивилизация. Правда, Коршуновская Настя сморщила носик, когда Алексей назвал Херсон цивилизованным городом. С ее точки зрения, этот город был просто захолустьем. Тем не менее, на здешних улочках она чувствовала себя как рыба в воде. Впрочем, Агилмунд с Ахвизрой (и разумеется – с Книвой, как же без него), вызвавшиеся сопровождать Коршунова, тоже чувствовали себя в этом разноязыком городке вполне свободно. Агилмунд уже бывал здесь, а Ахвизра с Книвой уверенно чувствовали себя везде. Как и большинство их соплеменников, они полагали, что только готы – настоящие люди. Всех прочих следует рассматривать с точки зрения полезности для готского народа. То есть нельзя ли у местных жителей позаимствовать что-нибудь, пригодное в хозяйстве. И лучше, конечно, отнять, а не купить. К некоторому огорчению готов, грабить на здешних улицах не рекомендовалось. В городе наличествовала стража, которой ничего не стоило призвать к порядку нескольких гревтунгов, даже таких доблестных, как Ахвизра. Гуляли они совместно, впрочем, недолго. Опытный Агилмунд выяснил, где обитают доступные женщины, и трое гревтунгов отправились туда. Встретиться договорились в доме Крикши. Боранский вождь, как всякий уважаемый причерноморский лидер, имел в Херсоне недвижимость.

Алексей с Настей прошвырнулись по здешним лавочкам, накупили всякой женской лабуды. Коршунов не экономил на своих женщинах. Тем более что Настя безусловно заслуживала подарков. Правда, ее предложение посетить здешнюю христианскую общину Алексей не поддержал. Оказалось, что Херсонес-Херсон имел весьма активные контакты с Римской империей, и сравнительно недавно здесь даже стоял римский гарнизон, над главной крепостной башней сияли на солнце римские «орлы». Контакты с проримской публикой были нежелательны. Настя, хоть и профессиональная «шпионка», все-таки женщина. Вдруг проболтается, что поблизости расположилась целая армия варваров, намеревающихся пощипать римского «орла». Тем более Алексей, в силу крайне слабого знания греческого языка, не сможет даже проконтролировать разговор.

Вообще же новая информация о здешнем геополитическом раскладе привела Коршунова в изрядное замешательство. Он-то полагал, что есть Рим (где-то там), и есть варвары, типа готов-герулов. Всех, кого он встречал доньше: боранов, аланов, сарматов, – Алексей относил ко второй категории и рассматривал исключительно как возможных союзников. Оказалось же, что все обстоит с точностью до наоборот. Все сколько-нибудь значимые народы-племена на побережье Черного моря были как раз союзниками Рима, получали от империи подачки, торговали с ней, ездили в империю повышать свой «культурно-экономический» уровень... более того, тут, на черноморском побережье, располагалось сильное и самостоятельное государство со своим флотом и армией. Боспорское царство. И цари его хоть и были вроде как местными, но крепко дружили с Римом и вполне могли вмешаться в планы Коршунова. Боспорский флот

хоть и серьезно уступал римскому, но довольно успешно гонял пиратов от своих берегов. В том числе и пиратов боранского происхождения.

Однако когда речь зашла о том, как заблокировать этот неучтенный фактор, Крикша сделал удивленное лицо. Он был уверен, что вождь Аласейя – в курсе ситуации и уже договорился с царем. У нынешнего боспорского царя Рескупорида IV сейчас проблемы. У него появился конкурент, некто Фарсанз. Крикша не знал подробностей, поскольку уже больше года не был ни в пантикапее, ни в Танаиде, но зато он знал, что подобные трудности всегда вызывают нужду в финансах. Чтобы боспор не полез в драку, надо всего лишь объяснить царю, что союзники собираются грабить не боспорское царство, а римскую провинцию Понт. И сделать царю небольшой подарок.

– Хм... – с сомнением произнес Коршунов, выслушав предложение законтактировать его с боспорским двором. – Допустим, я соглашусь.

Он сделал знак – и жена Крикши наполнила его стакан. Самый настоящий стакан из самого настоящего, правда немного зеленоватого, стекла. И наливала она из натурального стеклянного графинчика, с ручками в виде лошадиных голов.

Спиральный золотой браслет со змеиными головками скользнул по кисти женщины, звякнул о стекло.

– Допустим, – повторил Коршунов. – Сколько это займет времени и каковы должны быть размеры взятки... тьфу!.. Подарка?

Услышав ответ, едва не уронил стакан с вином:

– Сколько-сколько?!

– Думаю, таланта три, – спокойно повторил Крикша. – Золотом, конечно, не серебром.

Три таланта – это здоровенная куча золота.

– ...Если поторговаться, то можно скинуть до двух, – продолжал между тем Крикша. – Но тогда время уйдет, а времени у нас, как ты знаешь, самое большее – дней двадцать.

– И где же я, по-твоему, возьму такую прорву золота? – поинтересовался Коршунов.

– Займешь, – последовал ответ. – Под мое поручительство. Возьмешь сейчас три, после похода отдашь пять.

– А если я не вернусь?

– Вернешься. Ты, Аласейя, удачлив, это все знают.

Сидящие за столом подтвердили это мнение кивками и восклицаниями. Здесь, за столом, были только свои. Сам Крикша с двумя сыновьями и женой, Скуба, Коршунов с Анастасией, Агилмунд (Ахвизра в бордельном квартале застрял основательно) и, разумеется, Книва.

– Пять за три – это слишком много, – рассудительно произнес Коршуновский шурин. – И не надо нам три таланта. Два, думаю, мы сами соберем. А за один отдадим полтора, когда вернемся. Верно я говорю, Аласейя?

– Не знаю... – Коршунов запрокинул голову, поглядел на зеленую гору, где по дороге – полоске, выстриженной в кудрявой зелени, – спускалась цепочка осликов, навьюченных непомерно огромными корзинами.

– Не знаю... как ты говоришь, кличут того парнишку, из-за которого у парфянского царя сложности?

Крикша сморщил лоб, пытаясь вникнуть в смысл сказанного Коршуновым:

– Твоя речь, Аласейя, непонятна мне. О чем ты говоришь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.